

Александр Зарубин
Волчья дорога

История времен тридцатилетней войны

Александр Зарубин

**Волчья дорога. История
времен тридцатилетней войны**

«Издательские решения»

Зарубин А.

Волчья дорога. История времен тридцатилетней войны /
А. Зарубин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909343-1

Наемная компания идет по свету. Откуда — неважно, куда — бог знает, капитан догадывается, а рядовым все равно. Тридцатилетнюю войну отслужили, ничего не выслужили, а теперь берутся за любую работу. С кем воюют? А кто на пути попадет, с тем и воюют. Им бы день прожить... и остаться людьми, что порой очень и очень не просто. Ибо ночь темна и полна ужасов, а перед рассветом темнее всего.

ISBN 978-5-44-909343-1

© Зарубин А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
1—1	6
1—2	9
1—3	11
1—4	15
1—5	17
1—6	21
1—7	23
1—8	26
1—9	30
1—10	34
Глава 2	36
2—1	39
2—2	41
2—3	44
2—4	47
2—5	49
2—6	51
2—7	53
2—8	56
2—9	59
Глава 3	61
3—1	62
3—2	66
3—3	70
3—4	74
3—5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Волчья дорога История времен тридцатилетней войны

Александр Зарубин

© Александр Зарубин, 2018

ISBN 978-5-4490-9343-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Нежданные новости

1—1

Новость

Осеннее серое небо озарялось огнями – трепещущими разноцветными огнями праздничного фейерверка. Забытое за долгих тридцать лет зрелище – люди по привычке ещё вжимали голову в плечи, думая, что летит бомба. Но в небе плыла россыпь ярких, многоцветных огней. С островерхих колоколен церковей – святого Витта, святого Вацлава и прочих, которыми город в давние времена пытался дотянуться до неба, неся полузабытый за тридцать лет войны торжественный звон – *Te Deum Laudamus*. «Тебе Бога хвалим». Горожанам было за что. Мирный конгресс, непрерывно заседавший девять лет подряд, подписал, наконец, последнюю бумагу. Война закончилась. Наступил мир.

Солдаты имперской армии – и шведские драгуны на другом берегу реки – ещё копали окопы. По привычке и чтобы вода не затопила вытертую ткань лагерных палаток.

– Мир... Кто-нибудь знает, что это такое? – спросила высокая женщина, закутанная на пронзительном осеннем ветру в добротный солдатский плащ с аккуратно споротыми гербами. Спросила растерянно, не зная кого, подняв глаза в низкое серое небо. Небо не ответило – должно быть, у него были другие дела. Лишь накидка соскользнула прочь с её головы, рассыпались по плечам длинные светлые волосы. Лагерь вокруг молчал.

Город вдали бил во все колокола, созывая жителей на благодарственную молитву.

– Что это за мир такой? Кто-нибудь знает? – прошептала она ещё раз, оглядывая лагерь.

Кто-то ответил. Из-за спины и с опаской. Женщину в плаще без гербов звали Магдой, она была солдатской женой и бессменным капитаном отдельного капральства ротных *Kampfräuer*. Рука у неё была тяжёлая.

– А так. Мир – это когда войны нету. Ни войны, ни солдат, ни армий.

– Это как? – прошептала она, но неведомый доброхот исчез. Магда рванулась к офицерским палаткам – разбираться. Навстречу как раз шел капитан её роты – высокий широкоскулый офицер в плаще и потрепанной шляпе. Его Магда и спросила. Как у нее водится – в лоб, бесцеремонно ухватив за поблекший офицерский шарф. Капитан почесал затылок, припомнил читанные в детстве книги и разъяснил. Когда он родился, война уже шла вовсю, и знания на эту тему у него были сугубо теоретические.

– И как тогда жить прикажете? – прошептала солдатская жена, с трудом сдерживая слезы. Магда и эта война были ровесницами. И почти подругами, как шутила иногда, отмахиваясь от мужа, временами выговаривавшего ей за излишнюю бесшабашность. Теперь война кончилась, а она... и что будет дальше? На этой мысли она окончательно разрыдалась. Сзади неслышно подошел Ганс Флайберг, солдат роты Лесли, ее муж – горбоносый, высокий, вечно

хмурый человек с головы до ног рыжий от осенней грязи. Подошел, ласково обнял и повел прочь. Его руки осторожно придерживали жену за плечи, а холодные серые глаза – глаза лучшего стрелка роты – смотрели, прищурившись, ища взглядом, кого бы убить.

– Вы уж придумайте что-нибудь... – прошептала она еще раз.

Муж пообещал:

– Обязательно.

Сдвинул на лоб широкополую шляпу, огляделся, почесал затылок. Прошептал, едва шевеля губами, привычную фразу: «Езус-Мария, покарай еретиков». Помогло слабо. Как и прочие молитвы, накрепко заученные солдатом, эта помогала стоять под пулями и брать прицел, но не думать.

А думать... в голову Гансу ничего хорошего не приходило. Все мысли крутились вокруг проверенной жизнью идеи: «Раз жена плачет – надо кого-то пристрелить». Насчет «пристрелить» хмурый мушкетёр колебался редко, но вот кого? По уму выходило, что их величество императора Фердинанда. И не теперешнего, а прошлого, при котором началась вся эта заваруха. Но Ганс ещё не родился тогда. Да и вообще – одного короля он уже когда-то пристрелил. Помогло слабо. «Езус-Мария, покарай еретиков», – прошептал стрелок еще раз, потер лоб, успокоил жену и пошел искать ротного мастер-сержанта. Человек тот был опытный, знающий, может, подскажет что.

Ротный мастер-сержант герр Пауль Мюллер нашёлся почти сразу. Сидел себе в центре лагеря на брошенной бочке, что-то считал и то и дело чиркал карандашом в записной книжке. И он, и его книжка давно были армейской легендой. Невысокий, почти квадратный, заросший до глаз бородой дядька – ему было уже за пять десятков, но стариком его называли только те, кому жить не хотелось.

– Штальзунд, осада. Сколько мы там просидели? – бормотал старый волк, мусоля карандашный огрызок, – три, пять месяцев? Не помню уже. Ладно, три пишем, плюс земляные. Потом Люцерн и Регенсбург... Регенсбург этот чертов кому писать? Не помню...

Сержант прошел войну от самого первого выстрела, успел повоевать на всех сторонах и под всеми знаменами. И жив до сих пор, в отличие от некоторых.

– Берзах, месяц... —

– Ничего, что нас там разбили? Привет, сардж, – окликнул его Ганс, неслышно подойдя со спины.

– Какая разница. Привет, не мешай, – отмахнулся тот, подсчитал итог на пальцах, размашисто вывел цифру под чертой и длинно, забористо выругался. Было от чего. Их Величество Фердинанд, император Священной Римской Империи, король Римский, Богемский, Венгерский, эрцгерцог Австрии, Каринтии и прочих германских земель был должен сержанту за десять лет беспорочной службы. Их Величество Кристина, божьей милостью королева Швеции, герцогиня Финляндии, Лапландии и прочая, прочая, прочая – за пять лет и десять месяцев. Их величества... Проще будет сказать, кто из коронованных владык не числился в книжке

у старого вояки. Таких было всего два: во владения Великого Турка роту ещё не заносило, а царь Московский одну деликатную работу оплатил точно и в срок, чему сержант до сих пор удивлялся. Теперь же... если хоть один из королей выдаст причитавшееся... Или хотя бы половину, сержант – богатый человек. Ну, хватит на таверну на перекрестке. Вот только таких чудес, как выданное жалование, на этой войне ещё не видали. А уж в мирное время – и подавно.

Где-то далеко, в просторных, украшенных колоннами, капителями и резными портиками дворцах Вены, Стокгольма, Амстердама и Мадрида, в светлых парадных залах с картинами на душеспасительные сюжеты на стенах – посреди всего этого царственного великолепия короли, канцлеры, министры и секретари воюющих стран вели те же подсчеты. И описывали ситуацию теми же, что и старый солдат, словами. Конечно, с поправкой на куртуазную латынь. В государственной казне у всех уже-не-воюющих держав давно уже мышь повесилась. Французский коллега кардинал Мазарини неудачно поднял налоги, поругался со своими добрыми парижанами и теперь стремительно удирает от них на чужом коне в сторону ближайшей границы. Кое-кто ему сейчас тихо завидовал: а что, у человека других бед, кроме возможной петли, не было.

Сержант почесал бороду, посмотрел ещё раз на книжку, потом на поникший под низким свинцовым небом лагерь, на всполох фейерверка над городом, хмыкнул и пробормотал под нос: «Помяните мое слово, добром это все не кончится».

– А ты помнишь времена до войны? – спросил Ганс. Щека у сержанта коротко дернулась.

– Забыл. Давно было, – отрезал он.

С городских стен брызнула искры в небо очередная шутиха. Сержант опять усмехнулся – криво, одними губами – и сказал:

– Ладно, пошли капитана поищем. Не видел его?

– У себя, – неспешно ответил стрелок.

1—2

Пополнение

– Капитан Лесли? Наконец-то я Вас нашел! – голос из-за спины был столь бодр и жизне-радостен, что Яков чуть не попросил незнакомца потерять его обратно.

Впрочем, капитан прибил это желание на месте, обернулся и, как мог вежливо, поздоровался с окликнувшим его человеком.

Тот был совсем молодой, высокий, еще полный юношеской угловатости. И лучился такой жизнерадостной улыбкой, что капитану стало не по себе.

– С кем имею честь? – спросил Яков, рассматривая незнакомца. Высокий, с черными, упорно сопротивляющимися расческе волосами. Простое, круглое лицо со сверкавшими неподдельной радостью глазами. Изрядно потрепанный в пути долгополый серый камзол – похож на тот, что носят благородные господа, но сукно домотканное. И шпага на боку. «Странно, для пехотной – слишком длинная, для кавалерии – слишком короткая». Впрочем, на коллегу капитана юноша был никак не похож. Пока Яков довольно невежливо рассматривал незнакомца, тот заливался соловьем:

– Знаете, капитан, а я Вас уже целый год ищу. Вначале в Саксонии...

«Откуда мы вовремя унесли ноги», – додумал про себя капитан, внимательно слушая незнакомца.

– ... Потом мне сказали, что вы стоите в северной Баварии – знаете, в чёрном лесу.

«Это над парнем кто-то подшутил и довольно гнусно. Я бы в тот лес за всё золото мира не сунулся»

– ... Тамошние крестьяне удивительно недружелюбны...

«Настолько, что все армии обходят тот лес десятой дорогой».

– ... И, наконец, нашёл Вас здесь, – почему-то парень искренне этому радовался.

– Очень рад, но с кем имею честь?

– Ой, извините, я не представился, – лицо у парня сменилось с радостного на огорчённое, – барон фон Ринген унд Лаис, – а дальше пару ничего не говорящих капитану названий, – ну, то есть сын барона. У меня...

Тут парень начал рыться по карманам и складкам одежды – долго, судорожно. Выражение лица пару раз прыгало от радости к отчаянию и обратно, по мере того, как очередной карман оказывался пуст. Капитан тем временем еще раз оглядел собеседника:

«Может быть, и настоящий барон. Со старой грудой камней, издалика похожей на замок, славным предком, ходившим еще в крестовые походы, и без гроша за душой. Я и сам такой».

Тут, наконец, был найден и торжественно извлечён на свет божий запечатанный конверт.

– Вот, пожалуйста.

Капитан внимательно рассмотрел печать, пощупал бумагу – венецианская, белая, очень дорогая. Осторожно вскрыл. На бумаге четким бисерным почерком было аккуратно написано:

«Их Светлость, графиня Амалия фон... передает капитану привет и просьбу не забывать бедную вдову...»

Ничего себе. Эта бедная вдова наводила ужас на всех, включая их величество императора. Госпожа теща верховного главнокомандующего – главнокомандующие, правда, менялись, а неофициальный титул графиня держала цепко. Говорили что, в лагерях у костров про неё говорили много чего, шёпотом и оглядываясь. Якову хватало и того, что видел сам. С графиней они уже встречались пару раз. Первая встреча стоила Якову пол-роты убитыми и двух седых прядей в голове. Вторая, совсем случайная, заставила одного имперского князя сильно пожалеть насчёт измены кайзеру. А заодно и насчёт не выданного роте жалования.

Глаза капитана пробежали по тексту дальше:

«И просит оказать протекцию и предоставить место в роте многообещающему юноше из хорошей семьи...»

– Вы уверены, что это мне? С таким письмом Вас примут в любой из гвардейских полков в Вене. Да и худшего времени для поступления в армию, чем сейчас, не придумаешь. Сейчас мир, карьеры не сделаешь.

На лице у парня отразилось такое отчаянье, что капитан мгновенно передумал. Мало ли какие у человека обстоятельства. В любом случае, отказывать подателю такого письма себе дороже.

– Добро пожаловать в ряды... юнкер.

Паренёк просиял и вытянулся в струнку:

– Почту за честь...

Подошедшие на шум Мастер-сержант с Гансом старательно спрятали улыбки за широкой капитанской спиной.

Капитан сдал молодое пополнение им с рук на руки и пошел к полковнику – выяснять, на каком они свете. Впрочем, в этот день ничего нового не узнал. Полковник О'Рейли старательно лечил тоску «настоящим ирландским» виски, который его орлы гнали из ружейных стволов, в штабах тоже ничего серьезного, кроме «ждать указаний» не сказали. Зато встретил старого приятеля – Свена, теперь премьер-майора шведской армии. Когда-то они с Лесли вместе начинали службу в одном полку под знаменами шведского Густава-Адольфа. Потом Свен попал в госпиталь, а Яков... А Яков в итоге оказался на другой стороне, под черными орлами империи. Поболтали, вспомнили старых знакомых, договорились на завтра – встретится да раздавить бутылку-другую. Но на завтра Свена принесли мертвым из ближайшего леса. Первые дни мира оказались на редкость кровавыми.

1—3 Мир

Крестьяне окрестных деревень отпраздновали приход мира обстоятельно, с выдумкой. Развесив по разлапистым лесным елкам императорских сборщиков контрибуции. Они поспешили: конгресс подписал мир и, с чувством выполненного долга, разъехался. Сизифов труд по роспуску армий и поиску денег на выплату жалования достался какой-то специальной комиссии. Которая соберется. Когда-нибудь.

«Вот как смелых найдут, так и соберется», – думал капитан, слушая в штабе генеральские разглагольствования.

А пока по-прежнему: войны уже нет, контрибуции, постой и прочие военные невзгоды еще есть, а армиям велено стоять под ружьём да ждать. У моря погоды, наверное.

Первым, что Яков услышал, вернувшись в роту, был бодрый сержантский рык – ветеран натаскивал молодое поколение.

– Кто наш враг?

– Французы, шведы и еретики, герр Обервахтмайстер, – отвечал свежепринятый юнкер, полным энтузиазма голосом. Капитан усмехнулся.

– Во-первых, рота у нас наполовину островная, так что не вахтмейстер, а мастер-сержант. А во вторых, ответ неправильный. Французы и Шведы – это противник. Достойный и уважения к себе требующий. Еретики – добыча. А вот кавалерия – это враг, – тут старый волк попал на свою любимую тему и долго разглагольствовал об отдельных, слишком много о себе думающих любителях лошадок с грязными голенищами. Потом перешёл на честь главнейшего из всех родов войск – непобедимой и легендарной имперской пехоты. И о необходимости эту честь защищать и поддерживать. Методом немедленного закапывания всех, кто... Молодое поколение перенимало опыт – внимательно, чуть не с раскрытым ртом. Капитан подумал, что при таких инструкторах парня прибьют ещё до заката, вмешался и напомнил, что дуэли в армии запрещены.

– А как же...

– Просто. Первым не задирайся, насмешек не спускай, бей сразу. И чтобы трупов мне не было.

– Это как? – недоумение у парня было таким искренним...

– Пойдёмте, юноша, покажу.

*****

Удар, выпад, ещё один. Укромное место на берегу реки за оградой лагеря давно облюбовали любители нарушать указы. Теперь и капитан обосновался тут, третий час со шпагой в руке гоняя пополнение. Всё равно полковник просил сидеть тихо и на глаза начальству не попа-

даться. На очередном выпаде юнкер пропустил весьма болезненный – не для шкуры, а для самолюбия – укол, глухо зарычал, сверкнул глазами и кинулся в очередную атаку. Совершенно безумную, на опытный капитанский взгляд. Яков чуть повернулся, в последний момент пропустил юношу мимо себя и сделал короткий, неуловимый выпад. По идее клинок должен был несильно, но обидно шлёпнуть юнца по затылку плашмя. По идее – но сталь просвистела мимо, парень сумел с глухим рычанием уйти в перекат, развернулся и встал в позицию. Раздался одобрителный свист: с пикета в недалёком лесу скучающие часовые следили за учебной схваткой. Лесли бросил шпагу в ножны, улыбнулся и сказал:

– Хорошо, юноша.

Парень еле переводил дух. Его чёрные волосы упрямо торчали во все стороны

Во всяком случае, сразу парня не убьют. Школа у него есть, а горячность уйдёт с годами. Если у него будут эти года. Серое нахмуренное небо ничего подобного не обещало.

В лагере глухо забил барабан.

– Обед, юнкер. Хватит на сегодня.

К лагерю вверх по склону вела извилистая, раскисшая от дождей тропинка.

– Скажите, капитан, а... – юноша споткнулся о корень, покачнулся, но устоял на ногах. – А кто в армии лучший...

– Лучший боец? – Яков усмехнулся. – Если на шпагах – то какой-нибудь аристократ голубых кровей при штабе командующего. Аристократам делать нечего, вот они и тренируются, учителей нанимают. А если просто так – то крестьянин с косой, когда поймают тебя на своём огороде.

На обед компания собралась в капитанской палатке: капитан, мастер-сержант, прапорщик Лоренцо – грустный и с исцарапанной мордой, стрелок Ганс, на правах исполняющего обязанности лейтенанта, Магда, присвоившая себе функции кашевара. Ну и новый юнкер, судорожно пытавшийся наесться кашей армейской обыкновенной. Магда, со всем её искусством, с трудом превратила её в съедобную. Едва-едва. Ветераны хмыкали, смотря на мучения молодого поколения.

– Привыкай, парень. Бывает и хуже.

– Да уж, окрестности армия подмела, как метлой, – бурчал мастер-сержант, работая челюстями. – На зимние квартиры пора. Ещё месяц на одном месте, и голодать будем.

А после обеда юнкер пропал. Вроде бы только что торчал здесь с удивлённым видом – и нет его. Явился через пару часов – взъерошенный, лохматый, но с улыбкой до ушей. Отловил Магду, протянул пару куриц и, отчаянно робея, попросил приготовить.

Как бы случайно проходивший мимо мастер-сержант оскалился до ушей и одобрително хмыкнул:

– Ну ты даёшь, парень. А я уж думал, наши всю округу подмели. Прямо Рейнеке-лис какой-то.

И тут парень резко, на каблуках, развернулся к сержанту. Его рука метнулась к эфесу шпаги, глаза сверкнули неподдельной яростью.

– Я вам не лис... – голос его напоминал глухое звериное рычание.

«Чего это он», – проходивший мимо капитан рванулся наперехват: юнкер явно намеревался опробовать капитанскую науку на его же сержанте. На его же единственном, неповторимом и совершенно незаменимом мастер-сержанте. Рванулся, но не успел: сардж с шутилкой поднял руки, улыбнулся и сказал:

– Ну хорошо, парень. Хорошо. Не лис так не лис... Рейнеке-не-Лис. – Окружающие добродушно хохотнули. Странная вспышка прошла, парень тряхнул головой, отпустил шпагу и засмеялся вместе со всеми.

Так и стал парень в роте «не-Лисом». Или «Рейнеке не-Лисом» – кличка к юнкеру приклеилась намертво. По лагерю то и дело слышалось: «Рейнеке, сегодня твоя очередь в караул» и так далее. Не-Лис освоился, стоял со всеми в караулах, осваивал хитрую науку прятаться от капитана, когда тот искал добровольцев поработать за писаря, бегал вместе с итальянцем Лоренцо в город. Даже пару дуэлей устроил, несмотря на строгий запрет. И куриц притаскивал ежедневно. Сержант, воспринявший это как вызов своему умению ставить караулы так, чтобы ни одна мышь не проскочила, пару дней гонял своих орлов в хвост и в гриву. Орлы клялись и божились, что мимо них мышь не проскакивала. А курицы были вкусные. В конце-концов, сержант плюнул, почесал бороду и пошел объяснять Рейнеке, что с начальством надо делиться. Объяснения были восприняты как должное, что несколько примирило старого вояку с вопиющим нарушением дисциплины. Так прошла пара недель. Капитан мотался то в штаб, то в город: выбивал жалование, зимнюю одежду, новости, приказы – хоть что-нибудь. Лужи по утрам уже серебрились жалобно хрустевшим под сапогами ледком – шла зима, а ясности все не было. Полковник О'Рейли запил, заскучал и в конце-концов уволился из армии, заявив всем, что континент его достал, и он едет домой – в родную Дрогеду, в Ирландию. Розы выращивать. Его закадычный приятель и подполковник Джон Смит тоже остался один, плюнул и завербовался домой, в Англию – воевать за какой-то парламент. В островных делах Лесли мало что понимал, но от души помолился, чтобы друзья-приятели больше не встретились. Или хотя бы встретились на одной стороне. По лагерю шныряли какие-то подозрительные люди в штатских плащах, садились у костров, шептали прокуренными голосами заманчивые вещи. Один такой нарисовался в роте, присел к огоньку, заговорил вкрадчиво: «Не заскучали ли, господа?» Господин предлагал сбежать – во Фландрию, на испанскую службу. Там ещё воевали. «... Четыре талера, господа. И оплата регулярно, каждый месяц».

– Вот только месяцы там без команды из Мадрида не наступают, – хмыкнул мастер-сержант и показал Якову письмо от старого приятеля на испанской службе. Письмо, в шутку, было помечено пятьсот одиннадцатым январем... Капитан всё понял правильно, вербовщик очень неудачно поскользнулся и начал обходить роту Лесли стороной.

Наконец, приказы пришли. Армию распускали – на зимние квартиры, поротно. Про жалование по-прежнему молчали, просто выдали бумагу с печатью: рота имеет право вольного постоя в... И послали с богом. Как всегда, как будто никакого мира и не было. Вот только...

Вот только местом постоя назначили один хорошо известный роте монастырь, в котором они уже однажды побывали.

– Да, – медленно, с расстановкой проговорил сержант, недоверчиво глядя на штабную бумагу. – Приятно, конечно, когда старые друзья тебя не забывают. Но всё-таки... – тут старый вояка задумался, огладил бороду и задумчиво глянул на серое небо – будто хотел прочесть что-то между тяжёлых дождевых туч.

Капитан мог только согласиться: за всем этим явно виделась чья-то лапа. То есть рука – изящная тонкая рука в надушенной кружевной перчатке. У «бедной вдовы» на роту явно были какие-то свои виды. Конечно, графине Амалии рота раньше оказывала более чем серьёзные услуги в кое-каких делах, о которых лучше не рассказывать к ночи. И, по логике, могла рассчитывать на благодарность. Вот только с благодарностью у аристократов всегда было плохо.

И даже к шведам не сбежишь: война некстати, но окончилась. В конце концов капитан плюнул и положился на бога, судьбу и собственную удачу. Пора было выступать.

1—4 Марш

Тяжело, натужно бил барабан, солдаты, звеня сталью, скрипя кожей ремней и лениво ругаясь, строились в привычные колонны по четыре. Мушкетёры в широких обвисших шляпах с ружьями на плече и дымящимися фитилями вставали в голове и хвосте колонны, пикинёры в тяжёлых сапогах, шлемах и колетах буйволиной кожи с длинными пиками – также привычно в середину. Жалобно скрипели колесами обозные повозки, покрытые шумной толпой солдатских жён, слуг, обозной челяди. Захлопало развёрнутое на холодном осеннем ветру ротное знамя в середине строя – чёрный имперский орел смотрел на людей с полотнища сверху вниз, презрительно, как генерал на толпу новобранцев. Лоренцо, ротный прапорщик, появился в последний момент, из ниоткуда, откозырял капитану рукой на бегу и занял привычное место – у древка знамени. Губы маленького итальянца что-то шептали, а глаза смотрели с такой задумчивостью, что капитан даже удивился.

Напоследок Яков оглядел колонну ещё раз – вроде порядок, обернулся – Рейнеке – юнкер торчал, как и приказывали, за капитанской спиной. Вид у паренька был довольно-таки ошарашенный. Взмах руки, барабаны забили частую дробь, и колонна двинулась, стремительно набирая привычный ветеранам темп. Хриплые голоса затамили старый пехотный марш. «Der grimming Tod mit seinen Pferd». «Тот, кто шагал в этом строю до тебя – тоже пел, тот, кто встанет в строй вместо тебя – допёт за тебя...». Капитан обернулся – юнкер шел рядом с потерянными глазами – немудрящая песня пробрала его до костей. Как Якова в своё время, когда он услышал её в первый раз. Когда... Тут капитан с удивлением понял, что и не помнит уже, сколько лет назад это было. За спиной колонны вспыхнуло рыжее пламя – кто-то бросил напоследок огонь в опустевшие лагерные шалаши.

– Зачем? – прошептал юнкер

– Просто так. По привычке, – ответил ему Яков с грустной усмешкой. – Тридцать лет воевали.

Как будто и не менялось с тех пор ничего – мир там подписали или не мир...

Капитан посмотрел на небо – серые, свинцовые тучи давили вниз, к земле, обещая дождь. Холодный осенний дождь. «Пора бы уж осени закончиться», – подумал Яков и надвинул шляпу глубже на лоб, ожидая с неба противную холодную воду. И вдруг усмехнулся – на ладонь спланировала первая снежинка. Потом ещё и ещё. Припоздавшая в этом, 1648 году, зима шла по следам роты.

*****

В первых двух деревнях на пути роту сходу обстреляли – не помогла ни генеральская бумага о праве на постой, ни сержантские таланты к разговорам. Капитан гнал людей вперёд, стремясь поскорее выйти подальше из выморочной долгим стоянием армий округи. Зима им здорово помогла, проморозив и покрыв первым снежком грязь на дорогах. Завеса туч прервалась, рота шла под голубым, кристально-чистым небом, шла, ускоряя и ускоряя шаг. Недоверчивое зимнее солнце смотрело на них с высоты. Капитан в сотый раз мысленно поблагодарил своего полковника, сумевшего перед отъездом проиграть Якову в карты полковой комплект зимней одежды – отставших и обмороженных пока не было. Пока. На ночёвку

вставали на поле, оградив палатки от ветра стеной из телег. Солдатские жёны, под прикрытием отдельного капральства мушкетёров собрали в недалеком лесу хворост. Вскоре запылали костры, забулькало в котелках нехитрое походное варево. Сержант расставлял посты, попутно объясняя молодому поколению все тонкости этого дела:

– Стража, парень, в армии бывает ordinaria, нарочная, стоялая, круговая. Ordinaria – это на каждый день, в походе нарочная добавляется. Вот как сейчас. Стоялая – те, что на месте стоят, пути стерегут, круговая – те, что вокруг лагеря дозором ходят. Еще потерянная есть...

– Это как, потерянная? – спросил ошалевший от военной премудрости юнкер, приглаживая черные лохматые волосы на затылке.

– Это ближняя к неприятелю, – пояснил капитан. – Место опасное, но не слишком, если не зевать. Не пугайте парня раньше времени, сержант. Как-никак, потерянный пост – это бессменный пост нашего прапорщика. А Лоренцо наш пока теряться и не думает. Так что, юнкер, не пугайтесь раньше времени и наденьте шапку – не лето.

Юнкер откозырял, но шапку надеть не торопился. Мороз его не сильно пугал. Уходя, капитан услышал за спиной продолжение сержантской лекции: «Это тебе, юноша, не шпагой махать. Это целая наука».

А ночью юнкер традиционно исчез, чтобы под утро, так же традиционно притащить пару куриц. Сержант только хмыкнул и рукой махнул, даже не стал разбираться. Все равно его орлы ничего, кроме «никого постороннего не видели, ничего не слышали» по поводу отлучек юнкера сказать не могли. Юнкер, также традиционно ничего не отвечал, завтрак свой жевал равнодушно. Вид у парня был настолько задумчивый, что капитану захотелось вломить пару караулов, здоровья для – пусть и не в очередь.

Лагерь просыпался под стук барабана и крики обозных. Сердитое рыжее солнце карабкалось с востока на своё место, ночные звезды, мигая, сдавали караул. Капитан прошел с ежедневным обходом мимо палаток, костров, телег смотря во все глаза и слушая, от нечего делать, солдатские разговоры.

«...И сказал тогда природный и наследственный враг рода куриного и мужичьего...» – это Магда у костра рассказывала кому-то старинную сказку. Сидела, протянув руки к огню, спрятав светлые волосы под странной мужской шапкой с длинными, загибавшимися кверху ушами. Кто-то за спиной сухо, надрывно закашлялся. Яков чертыхнулся и положил себе зарок – на следующий привал любой ценой завалиться в деревню.

1—5 Деревня

Подходящая деревня нашлась как раз к закату. Сотня с лишним домов на косогоре, каменная церковь, высокая колокольня с покосившимся крестом – с неё, увидев в поле солдат на марше, проворно ударили в набат.

– Уважают, – улыбнулся в усы сержант, – глянь, ребята, колокольным звоном встречают, будто каких королей.

Рота меж тем спокойно разворачивалась из колонны в боевую линию. Проходы между деревенскими домами быстро закрывались самодельными баррикадами. От покосившихся заборов окраины в синее небо потянулись дымки фитилей.

– Ну точно как королей, – ответил Ганс в тон сержанту. – Сейчас салютацию делать будут. Из всех стволов, что зарядить сумели.

– А это наша деревня или чужая? – спросил юнкер. Если парень и волновался перед делом, то старательно не показывал этого. Зря. Капитан на его месте волновался бы.

– Вот поверь, парень. Ни нам, ни им никакой разницы, – сержант сплюнул и под барабанный бой ушёл вперёд – говорить.

Говорил он с деревенскими долго, обстоятельно. Развёрнутая в боевой порядок рота стыла на пронзительном зимнем ветру, держала строй, матеря вполголоса генералов, припозднившихся с роспуском. Зимой, когда поля и огороды уже убраны, добывать квартиры было много труднее.

Сержант с деревенскими всё говорили. Когда капитан замерз настолько, что уже был готов скомандовать штурм – на поле ударили по рукам. Договорились.

– Угадайте, кто мы теперь, господин капитан, – с усмешкой сказал Якову сержант, когда рота обустривалась в домах на окраине.

– Защитники империи?

– Не угадали. Отдельная команда по ловле бандитов и дезертиров. Посланы их величеством, лично, для очистки дорог, охраны покоя мирных обывателей и развития коммерции. У нас о том и бумага с печатью есть. Почти настоящая, хорошо хоть грамотных в этой глуши не нашлось.

Сержант на полном серьёзе показал внушительный белый листок. Яков глянул и от души, захохотал – заветной бумагой оказалось выданная сержанту полковой канцелярией справка о задолженности.

****

А ночью рота проснулась от грохота выстрелов. Первым делом Яков подумал, что юнкер опять пошел за курятиной и попался, но стреляли слишком много и часто. Ударил набат, звуки стрельбы смешались с сполошными криками крестьян и чьим-то боевым кличем. На улице

творился полный хаос. Сарай на околице – к счастью, в противоположной от ротной стоянки стороне – горели, выбрасывая ревущие столбы пламени в чёрное ночное небо. В их свете неверными тенями металась люди, кони. На звоннице, чёрной тенью на огненно-рыжем фоне качались из стороны в сторону колокола. Солдаты Лесли выскакивали из домов, клинки наголо, металась, искали капралов. Лоренцо вытащил знамя, сержант пинками и руганью поднял заспанных барабанщиков. Забили сбор, люди сомкнулись – из толпы в строй. Ганс Флайберг без приказа развернул дежурное капральство поперек улицы навстречу нападавшим. Мушкетёры, прикрыв широкополыми шляпами дымящиеся фитили, встали наизготовку. Их граненые стволы выщеливали в ночь, ожидая сигнала. Яков обернулся, ища взглядом Рейнеке – если он опять отлучился, то мог и попасть в беду. Нет, вот он, спешит к капитану, одна рука на шпаге, другой пытается на ходу застегнуть камзол.

– Что происходит? – бросил НеЛис на ходу

– Застегнитесь, юнкер, не лето. Кто-то грабит деревню.

– Нашу деревню, – уточнил подошедший мастер-сержант, с видом, не предвещавшим налетчикам ничего хорошего.

Тут с противоположной стороны раздался громкий треск, и сразу – истошное бляенье. Похоже, налетчики дорвались до скотного двора.

– Эй, ребята, – крикнул сержант своим, да так, что все прочие звуки испуганно затихли на мгновение, – там какая-то сволочь хочет украсть наш обед. Люди за его спиной захохотали. Забил барабан.

– Рейнеке, держитесь меня. Выступаем, – скомандовал Яков, надвинул на лоб широкую шляпу и махнул рукой. Барабаны пробили частую дробь, рота, сомкнув ряды, пошла, следуя за белевшими в ночи перьями на капитанской шляпе. Яков повел людей не на улицы – в хаосе схватки никто не отличил бы своих от чужих. Вместо этого он вывел солдат в поле, во фланг атакующим. Вышли хорошо, скрытно – всадники в чёрных плащах так спешили ворваться в деревню, что разворачивавшуюся на засыпанных снегом огородах пехоту сразу не заметили. Не заметили, пока люди Лесли не ударили залпом. Снопы пламени разом вырвались из длинных мушкетных стволов, фигуры нападавших – чёрные тени на фоне рыжего пламени – замечались, поворачивая коней навстречу. Первая линия мушкетёров шагнула назад, за спины второй. Вторая, угрюмо ворча, вскинула стволы наизготовку. Ещё залп – слитным, оглушающим рёвом. На той стороне металась и падали люди и кони – гротескные тени, под равнодушным светом луны.

– Вторая – заряжай, – прокричал Ганс. Стрелки отступили назад, срывая с перевязей берендейки с новым зарядом. До Якова донёсся глухой, размеренный стук шомполов.

– Третья – целься.

Мушкетёры третьей упёрли сошки в мёрзлую землю, наклонились, ловя черноту ночи на прицел. Очередное па в заученном танце пехотного боя. Все в роте знали его наизусть и могли станцевать и с закрытыми глазами – неважно, ночь сейчас или не ночь. На той стороне тоже были ветераны – земля под капитанскими сапогами ощутимо дрогнула. Попавшие под фланговый огонь нападавшие развернулись и, горяча коней, лавой пошли навстречу роте.

– Третья – залп, – граненые стволы плюнули огнем, сполох света выхватил у тьмы хрипящие конские морды, всадников в развевающихся подобно крыльям плащах, тускло блестящие клинки и усатые, искаженные яростью лица. Кто-то упал, перелетев через голову, истошно, жалобно заржала, заваливаясь набок, лошадь.

– Пики – к бою, – шестифутовые ясеневые древки задних рядов опустились. Забил барабан. На длинных, игольной остроты жалах хищно сверкнула луна. Всадники осадили коней, сверкнули короткие, злые вспышки пистолетных выстрелов. Под ухом у Якова неприятно просвистел, рванул за волосы холодный ветер. Яков озлился и махнул своим – вперед. Пехота сделала шаг, древки качнулись. Всадники развернули коней и ускакали прочь – топот копыт растворился в ночи.

Огонь догорал, со стороны деревни ещё стреляли и слышался звук стали, но уже гораздо тише. Основная масса нападавших рассеялась в ночи, теперь селяне добивали тех, кто успел прорваться в деревню. Помощь им явно не требовалась.

– Ваша шляпа, герр Капитан, – окликнули Якова сзади. Кто-то из солдат протянул капитану пробитую в короткой перестрелке шляпу. Лесли и не заметил, как ее потерял.

– Спасибо, – ответил Яков, быстро осматривая ряды. Вроде все на месте. Ганс со своими мушкетерами сосредоточенно заряжает стволы. Сержант остался в деревне – прикрывать обоз. Рейнеке – где юнкер, мать его, – подумал капитан, не находя взглядом в рядах высокой, нескладной фигуры...

Юнкер обнаружился в деревне – растрёпанный, тяжело дышащий и с окровавленной шпагой наголо. За спиной у него сидел, привалившись к стене дома, сержант, держась руками за окровавленную голову. Пока рота выходила из домов в поле, юнец сумел потеряться. Метаться один по ночному полю парень, слава богу, не стал. Вместо этого вернулся обратно в деревню, к сержанту, оставленному сзади прикрывать обоз. Очень вовремя – пара десятков нападавших пыталась прорваться из ставшей ловушкой деревни через их баррикады. В короткой схватке сержант очень неудачно получил саблей по голове, люди Лесли на мгновение дрогнули. Но тут юнкер влез в бой со шпагой наголо. И сумел продержаться, один против многих, пока не пришла подмога. «Молодец», – подумал капитан, хотя, судя по виноватому лицу, юнкер явно считал иначе.

– Герр капитан, я... – но Яков прервал взмахом руки начавшийся было поток извинений.

– Просто в следующий раз не теряйтесь, юнкер. Ночной бой – дело такое, тут генералы, бывало, и армии теряли. Хорошо, что догадались вернуться. И за сержанта спасибо.

Сержант меж тем при виде капитана собрался, встал и более-менее бодро отдал честь.

– Как Вы, сержант?

– В порядке, герр капитан, мозг не задет. Вот только шляпу мне в решето превратили, ироды. Как у Вас?

– Тоже в порядке. Нападавшие разбежались, кто успел. Интересно, только, кто они такие?

– Какие-нибудь бедолаги, которым не повезло. Времена идут тяжёлые, решили накопить жирок перед долгим миром. Давайте посмотрим, – сержант осмотрел трупы нападавших – их, слава Рейнеке, валялось вокруг довольно – выбрал одного, одетого побогаче, и начал деловито обшаривать карманы.

Достал какую-то бумагу, поднёс к свету, прочитал – и, с хохотом протянул её капитану. Лист, украшенный витиеватой красной печатью, был выдан их светлостью герцогом баварским, графу де..., полковнику драгунского полка о выделении одного графа и его людей в отдельную команду по ловле бандитов, дезертиров и прочих нарушителей мира и спокойствия. В целях очистки дорог герцогства и безопасности коммерции.

Вообще-то офицеру и дворянину неприлично ржать, как лошадь. Тем более пехотному офицеру. Но именно так Лесли и заржал. Ирония судьбы. Сержант меж тем аккуратно соскоблил фамилию и спрятал бумагу себе в карман – пригодится.

Утром рота ушла из деревни. Строем, под барабан. Впереди красовался сержант, накрывший голову вместо потерянной шляпы огромным широкополым беретом времён кайзера Максимилиана. У кого он его забрал, и как такой столетний давности раритет вообще сохранился – история умалчивает. Но выглядел в нём старый, заросший до глаз бородой вояка внушительно – деревенские, на всякий случай, попрятались.

1—6

Без выхода

«Холодно. О господи, как же холодно. Надо двигаться, иначе замерзну...» – девушка с метлой в руках обходила комнату – единственную комнату небольшого деревенского дома. Закутанная в невообразимый кокон из тряпок – всех, что нашлись под рукой – человеческая фигура двигалась равномерно и как-то механически, не столько подметая, сколько опираясь на метлу. Абсолютно бессмысленная работа – дом был мёртв. Неровная груда кирпичей громоздилась там, где ещё недавно стояла печка. Дыра в потолке на месте рухнувшей трубы была кое-как заткнута – досками, соломой и чем попало.

Внезапно в дверь постучали. Грубо, требовательно. Заходил ходуном косяк, с тихим шелестом посыпалась известь. Девушка вздрогнула, затравленно обернулась на звук. Потом вздохнула, спрятала рыжую прядь глубже под косынку и поспешила открыть, пока очередной удар не вынес дверь с петель.

– Ну, что, девка, надумала? – вошедший, вместе с порывом пронзительно-холодного зимнего ветра мужик был высок, краснолиц и громогласен. Дверь, жалобно скрипнув, едва сумела вместить его широкие плечи и объемное, с трудом обтянутое длиннополой меховой курткой тело.

Девушка опустила глаза – сил смотреть на эти узкие глаза и поросший щетиной двойной подбородок у неё не было.

– Зачем я Вам, господин... у вас же есть жена... – сказала она тихо. Как будто она не задавала этот вопрос день назад. Вошедший господин сельский трактирщик подробно, скаля белые зубы на каждом слове, объяснил тогда.

– Ну, я же тебя не в жёны зову... – опять ухмылка, аж жирные щеки ходуном заходили, – в подавальщицы при трактире.

Да. В служанки. Со всеми, прилагавшимися к такой работе обязанностями. Днём и ночью. День назад она попросила время – подумать. Господин трактирщик милостиво разрешил. А еще сломал в печке трубу. В два удара, заботливо приготовленной кувалдой. Чтобы лучше думалось – пояснил он тогда. Дом на отшибе, мама умерла – заступиться за неё некому. Уйти тоже – на дворе зима, пешком уйдешь разве что на кладбище.

«Надо соглашаться. Помру же», – подумала она, но ее губы, почти против воли ответили противоположное:

– Уйдите, господин. Уйдите, пожалуйста, – ей было странно слышать свой голос. Как будто со стороны.

– Замерзнешь, приходи, – господин вышел, напоследок хлопнув дверью так, что затряслись стены.

Девушка присела на скамью. Платок тихо сполз с её головы, сквозняки заиграли медно-рыжими волосами. Её карие глаза невидяще смотрели в окно. Да и нечего там было видеть –

только зимний туман. «Пусть завтрашний день сам о себе позаботится», – так вроде бы говорил сельский пастор на проповеди. Хороший был человек, жаль только, что был, а не есть. Трактирщик его боялся и, хоть и сально заглядывался, но не трогал живущую на отшибе сироту. Но пастора убили проходившие мимо солдаты, и вот... Она вздрогнула. Сквозь стены и тусклую слюду окон ей почудился чей-то взгляд. В последние несколько дней она его часто чувствовала – вечерами, когда тени сгущались под заснеженными ёлками. Наверное, этого стоило испугаться. Наверное. Но измученный мозг упрямо пытался искать надежду даже там, где её отродясь не было. «Может, это ангел? – думала она иногда. – Пастор говорил, они так с небес смотрят за нами...»

Опять шум у двери. На этот раз не грубый стук, а осторожное, почти ласковое царапанье.

На пороге никого не было. Только вязанка хвороста валялась. Раньше ее здесь не было, трактирщик не побрезговал бы унести. И опять знакомое чувство – как будто кто-то смотрит в глаза. Она невольно улыбнулась ласково серому закатному небу.

«Ты всё напутал, милый ангел. Не поможет, печка – то сломана. Но всё равно спасибо», – подумала она, но вязанку в дом все-таки затащила. Осмотрела обломки печи – может, удастся сложить из них подобие очага. Топят же как-то и без трубы, далеко на востоке...

А господин трактирщик тем временем с нараставшей яростью смотрел на зимний лес. Выходил он из своего трактира за дровами, а в лесной домик забрёл по дороге. И вот тебе – там, где всего пару минут назад оставил добрую вязанку, её не оказалось. А ещё на пушистом раннем снегу не было ничьих следов, но этого трактирщик уже не заметил – красная ярость залила глаза, крепкая сучковатая палка сама прыгнула в руки.

– Ещё и воровка. Ну я ей... – прорычал он, разворачиваясь обратно.

На тропинке встала, загородив дорогу, серая неверная тень. Трактирщик, не сбавляя хода, замахнулся – и еще какое-то время не мог понять, почему он лежит, если только что стоял, куда делась из рук изломанная палка, что такое тёплое и густое течёт по груди и руке... И чья кровь капает с кривых жёлтых клыков...

1—7

Мертвый дом

Небо над дорогой чернело, заволакиваясь тучами. Короткий злой ветер сдувал снег с поросших густым черным лесом холмов у дороги. Капитан Яков Лесли ругался. Ругался он виртуозно, со всем богатым армейским опытом – щедро мешая немецкие слова с английскими и удобряя изящной французской речью. Иногда в цветистых оборотах промеж иных слов мелькала и таинственная *kusma's mother*, подслушанная капитаном у шведских костров – эти ребята хорошо разглядели её у себя, в землях полуночных и обещали в Германии всем ее показать. Когда-нибудь, если сочтут немцев достойными. А теперь и Яков возносил ей хвалу, облегчая заодно командирскую душу. Было от чего – рота умудрилась сбиться с пути, потеряв тропу в этом поросшем скелетами деревьев лабиринте. Да еще обоза чуть не лишились – посланный поторопить задние ряды юнкер умудрился свернуть не туда и заблудиться. В итоге день марша псу под хвост и... Капитан с чувством проговорил последнюю фразу, старательно, как бы ни к кому не обращаясь, сплюнул и сказал, уже нормальным голосом:

– Придется ночевать в поле, делать нечего, – солдаты заметно погрустнели. Дело, конечно, привычное, но зимой и в непогоду – приятного мало. Юнкер, всю капитанскую речь простоявший столбом, встрепенулся, оглядел шевелящийся под ветром кроны деревьев и неуверенно сказал:

– Тут, вроде, в той стороне дом есть. Слышите, дымом пахнет...

Капитан ничего такого не слышал, но на всякий случай, приказал проверить.

В той стороне дом и вправду нашёлся. Крепкая деревянная, обложенная понизу тяжёлыми валунами постройка – то ли трактир придорожный, то ли чье-то небогатое поместье. Пара конюшен и каких-то сараев, высокий забор вокруг. Хороший дом, крепкий. Но мёртвый – не дымится на крыше труба, не горит свет в тёмных, забитых наглухо окнах. Сорванные с петель ворота сиротливо лежат на земле. И никого, хотя человеческих следов вокруг немало. Люди Лесли осторожно вошли внутрь, капитан дёрнул дверь – заперто. Огляделся, ударил в неё кулаком. В окне наверху с треском распахнулись ставни, в лицо Якову уставился мушкетный ствол и чей-то голос довольно грубо предупредил Якова, что место занято.

Яков упёр руки в бока и ответил, что такие аргументы и у него найдутся.

Вслед за стволом в окне показался и его владелец, настоящий гигант, мушкет казался в его руках детской игрушкой.

– Эй, господа, этот дом мы первые заняли, – голос у него был под стать росту.

– Имперская армия, рота капитана Якова Лесли. У меня сотня человек под ружьём и все замёрзли как котята. Именем императора открывайте, пока мы не начали греться, подпалив тут все к чертям.

– Подождите. – вмешался ещё один голос. Этот не грохотал литаврами, не рычал и не сыпал командами. Он лился тихо и вежливо – но так, что перебранка разом смолкла.

Гигант в окне исчез, зазвенели засовы, и дубовая дверь распахнулась настежь перед капитанским носом.

– Прискорбное недоразумение, господа, – поприветствовали капитана на немецком – правильном, но с чётким французским акцентом.

Яков учтиво приподнял шляпу, поёжился – зимний мороз больно укусил за уши, и внимательно рассмотрел человека перед собой. Невысокая, узкоплечая фигура, ладный и удобный, несмотря на портновские изыски кафтан, утончённое лицо, хоть и не первой молодости.

– Согласен, прискорбное. – ответил Яков. – С кем имею честь?

– Рене, Аббат Эрбле, к вашим услугам. Пользуясь миром путешествую по Германии. Мой спутник принял вас за грабителей.

– По нынешним временам – предосторожность разумная. – согласился капитан, кивнув для порядку.

– Я так понимаю, что грабить никто никого не собирается, так что заходите, господа.

– А где хозяин дома? – спросил Яков, оглядывая еще раз темную в лучах закатного солнца громаду.

– Висел какой-то бедолага на воротах. Наверное, это был он.

– Довольно невежливо с его стороны, – прогрехотал громкий голос. Вниз спустился обладатель мушкета – высокий, широкоплечий, громогласный человек с немислимо закрученными усами. Яков чуть поморщился – в глаза ударил блеск золотого шитья на его перевязи.

Первый из французов сделал изящный жест в его сторону.

– Разрешите представить моего спутника – Исаак де Брасье, шевалье из Пикардии.

Капитан ещё раз приподнял шляпу, подставив морозу заочневшие уши.

– Очень приятно, – пробасил гигант.

– Так что с владельцем? – спросил Яков еще раз.

– Мы его похоронили и, раз уж я духовное лицо пусть и без кафедры – прочитали молитву. Больше сделать для бедолаги мы все равно ничего не могли, а ночевать в лесу из-за этого глупо...

– Война, что поделаешь. – пожал плечами капитан.

Вообще-то уже мир, но бедолагу эти тонкости сейчас явно не волновали. Капитан обернулся и махнул своим – располагайтесь, мол. Его люди давно вошли и привычно, без лишней суеты разбрелись по двору, устраивая лагерь.

Последний, ярко-алый луч заходящего за ёлки солнца ударил капитану в глаза, заставил поморщиться. На арке ворот чёрной тенью сидел человек – кто-то из солдат залез срезать верёвку повешенного – на амулеты.

1—8

Непростой разговор

Все заботы о размещении роты капитан без зазрения совести свалил на сержанта. Пока тот, иногда порывывая на подчинённых аки лев рыкающий на газелей, носился взад и вперёд, капитан засел в холле. Один невезучий сундук был мгновенно пущен на дрова, весело затрещал огонь в печке. Капитан придвинул стул поближе к поплывшему по зале приятному теплу. Французы расположились напротив, за длинным, изрядно истёртым столом тёмного дерева. Их было двое – гигант и его изящный спутник. И ещё десяток слуг, старший из которых – высокий полноватый парень с наглым лицом что-то долго говорил своему патрону по-французски, опасливо косясь на капитана. Впрочем, слуг француз сразу отослал прочь коротким жестом, велел подать вина, и не беспокоится попусту. Капитан в ответ приказал выставить на стол курицу из юнкерской добычи. Огонь трещал, отбрасывая мерцающие пятна жёлтого света на тёмные балки потолка и белёные стены. Постепенно подходили на огонёк люди капитана – Лоренцо, чернявый и обманчиво-мелкий итальянец, ротный прапорщик, Мушкетер Ганс – этот встал у входа, подперев плечом дверь и глядя в никуда холодными серыми глазами. Потом подошёл погреться и разобравшийся с делами сержант.

Капитан отдыхал и немного бесцеремонно рассматривал французов, а они его – точнее его плащ, небрежно брошенный на один из стульев. Хороший, тёплый плащ, недлинный и с широкими рукавами – покроя, который на восток от Рейна называют мушкетёрским, а на запад – *a-la cossak*. Шведы привезли его в Германию, вместе с кузькиной матерью, из стран полуночных, а уж у них переняли покроем все, кому не лень. Капитан пару минут удивлялся такому интересу к заурядному, в общем то, предмету гардероба, потом кое-что вспомнил, кивнул на плащ и сказал одно слово:

– Нордлинген, – плащ был французский, трофейный, взятый на поле той, несчастливой для империи битвы. Чужие вензеля капитан спарывал сам и на редкость криво – латинская буква L была ясно видна даже в таком свете.

– Трофейный? Кому-то не повезло.

– Случайно, не Ваш, месье? – мягко усмехнулся капитан. Младший из французов ответил на улыбку улыбкой.

– Нет. Я лицо духовное...

Теперь пришёл черёд капитану удивляться. Француз конечно выглядел сугубо штатским человеком – тонкое, моложавое, очень правильное лицо, длинные, раскинутые по плечам волосы. Дорожный кафтан – неброский, ладный, одинаково годный и для бивачного костра и для дворцовой залы. Руки в перстнях, небрежно державшие отливающий рубином бокал. Изящные, немного женственные кисти рук. Но глаз у капитана был намётанный – шпагу эти тонкие пальцы держат куда уверенней, чем четки.

Француз заметил направление его взгляда и улыбнулся ещё раз – понимающе.

– Да, было время, и я шагал под барабанный бой. Но оставил службу после осады Ла-Рошели – молитвы и проповеди кормят лучше, чем марши и караулы.

– Воистину, – сказал капитан, откинувшись к стене, – что привело Вас в Германию?

– Были на мирном конгрессе, теперь путешествуем. Интересная страна. Интересные люди.

– Дикие, правда, – хохотнул гигантский шевалье.

– Суеверные, я бы сказал, – мягко поправил Эрбле своего спутника. – но интересные. Что нам только не рассказывали в дороге. Настоящий клад, для человека, склонного к сочинительству. Я, сударь, на досуге балуюсь пером, а иные истории, рассказанные в каком-нибудь трактире, стоят греческих трагедий. Например ... – тут француз коротким жестом поправил волосы и незаметно тронул пальцами мочку уха... – например, однажды мне рассказали историю о солдате, которого было невозможно убить.

В углу что-то глухо звякнуло. Отсвет пламени пробежал багровым по вину в стаканах и тяжёлым перстням на руке француза. Капитан усмехнулся и ответил коротко.

– Чего только люди не говорят.

– Как ни удивительно. Говорили, пули и клинки просто отскакивали от него, как от заколдованного.

– Не удивлён. Когда новобранец заряжает мушкет – он обязательно просыпет половину пороха на землю. Да и ветераны иногда грешат таким, чтобы не калечить плечо отдачей. А потом рассказывают сказки о заколдованных врагах. Кстати, сказка не говорила, что стало с тем солдатом?

– Умер, – коротко ответил француз. Де Брасье хохотнул и добавил

– Говорят, на него что-то упало.

– Значит, сказка врала, – ответил капитан равнодушным тоном, украдкой покосившись на сапоги.

– Да. – ответил француз мягко. И снова тронул пальцами мочку уха – чуть манерным и так неуместным здесь жестом.

– А Вам не жалко, капитан?

– Не жалко чего?

– Что сказка оказалась ложью?

«Наоборот», – подумал капитан, но не ответил. Не нравились ему эти французские сказки, ой не нравились.

А в этот момент, Магда, набиравшая во дворе воду в ведро заметила как кто-то со всех ног, опрометью бежит напрямик через двор. Лагерные костры плюнули в небо снопом искр,

вспышка выхватила высокую, нескладную фигуру и чёрный ёжик волос. Юнкер. НеЛис бежал по двору – в одном сапоге, на ходу пытаясь попасть руками в рукава камзола. Рубашку Рейнеке тоже где-то потерял. Магда улыбнулась, напомнила себе, сколько лет она уже замужем и попыталась сообразить от кого из её подруг это чудо так стремительно убегает.

Что-либо ответить французам капитан Лесли не успел. Дубовая двустворчатая входная дверь с треском распахнулась. На пороге, вцепившись пальцами в доски косяка возник юнкер. Всклокоченный, задыхающийся от быстрого бега. Плащ парень где-то потерял, камзол болтался на одном плече. И вид у него был самый отчаянный.

– Помогите, капитан, скорее. Они её сожгут...

При этих словах итальянец Лоренцо вскочил с места – руки на эфесах клинков.

– Кого – её? Говорите толком, юнкер. – рявкнул Яков не сходя с места.

– Ведьму. Ну то есть не... – на этих словах юнкер сбился, потерял дыхание. Из дальнего угла донёсся хорошо знакомый глухой лязг – Мушкетер Ганс оскалился волком, вскинул мушкет и начал внимательно осматривать курок и полку.

– Подробнее – рявкнул капитан ещё раз. Рейнеке кое-как перевёл дыхание и рассказал.

Оказывается тут недалеко была деревня. Недалеко, милях в пяти к северу. «И как мы мимо неё прошли?» – подумал капитан мельком. Но сейчас это было не важно. Важно то, что местным почудилась ведьма и они решили её спалить. По всем правилам, будто к ним в лапы попала не несчастная деревенская девка, а сам враг рода человеческого, лично.

– Пожалуйста, капитан, скорее. – проговорил юнкер под конец с самым умоляющим видом.

Через распахнутую настежь дверь в дом ворвался, ударил капитану в лицо холодный зимний ветер. Затрещал, плюнул искрами огонь в очаге.

«И почему все драки обязательно ночью, – подумал Яков, косясь на пламя, – опять не до сна»

А потом встал, нахлобучил на голову шляпу, и начал командовать.

– Лоренцо, вы со мной. Рейнеке, показывайте дорогу.

– В конюшнях были лошади, – бросил фразу из своего угла молчаливый мушкетёр Ганс.

– Наши лошади! – возмутился было французский шевалье.

– Конфискованы именем императора. – отрезал капитан. Ганс у стены невзначай качнул дулом в сторону гостей. Де Брасье хотел было возмутиться, но второй француз накрыл его руку своей, призывая к молчанию.

Ганс, берите дежурное капральство и за нами, – капитан развернулся, поймал глазами насмешливый взгляд спокойно сидевшего за столом сержанта и продолжил, – Сержант, какие-то деревенские увальни разинули пасть на нашего солдата. Подымайте людей, такое надо наказывать, – тут старый вояка огладил бороду и одобрительно кивнул, – Рейнеке, объясните дорогу. И оденьтесь наконец, не лето.

Зала опустела вмиг только французы остались сидеть, где сидели.

– Наши лошади... – кипятился гигант, слышав топот копыт на дворе.

– Не волнуйтесь попусту. Капитан – благородный человек, и ничего с нашими лошадьми не случится. А вот ведьма, – тут француз задумался. Его тонкие пальцы рассеяно пробежали по волосам, коснувшись мочки уха, – это может быть интересным...

1—9

Со всех ног

Французские кони домчали их вмиг, только свистнул в ушах ветер, да капитана пару раз больно хлестнули по лицу еловые ветки. Смирная серая кобылка от юнкера почему-то испуганно шарахнулась, пару раз получила по ушам и рванула так, будто хотела убежать из-под седока прочь. Остальные кони бешеным галопом рванули за подругой. Рейнеке каким-то чудом удержался. Капитан каким-то чудом не отстал. Вся тройка пулей проскакала через еловый лес и на полном ходу выскочила на поле, прямо в толпу крестьян – суровых деревенских мужиков и суетливых баб, сосредоточенно обкладывая хворостом вкопанный в землю столб. Столб, к которому в десяток мотков верёвки привязана белая человеческая фигура.

«Как только дров не пожалели, сволочи», – подумал было капитан. Над головами пролетела огненная комета, глухо ударил взрыв – Лоренцо прямо с коня зашвырнул в толпу зажжённую петарду. Люди шарахнулись в стороны, кто-то уронил факел – в кучу хвороста. Столб пламени поднялся в небо. К счастью далеко от страшного столба. Юнкер и прапорщик буквально слетели с коней, развернулись, встали плечо к плечу, шпаги наголо, заградив жертву спинами. Толпа попятилась, опасливо косясь на хищно сверкнувшие в лунном свете клинки. На мгновение все затихло. Яков спрыгнул с коня, развернулся. Золото офицерского шарфа блеснуло, ударило людям в глаза. Толпа загудела, попятилась. Кто-то перекрестился в испуге, кто-то торопливо сорвал шапку с головы.

– Что здесь происходит? – размеренно произнёс Яков.

Глухой ропот в ответ. Толпа подалась назад. Ещё немного. Но не разошлась, даже сомкнулась плотнее. Яков привычно – за войну случалось унимать мятежи – пробежал взглядом по первым рядам, примечая вожаков.

– Эй, вы, трое, – ткнул он пальцем в тех, кто показался ему таковыми. Как и все, вислоусые, обветренные деревенские дядьки, но на вид побогаче остальных. Один из них шустро спрятался за спины соседей.

– А ну оба, ко мне... – двое оставшихся шагнули вперёд, сдёрнув с голов мохнатые шапки и опасливо косясь на капитана.

– Что здесь происходит? – ответить попытались все разом, да так что ничего не разобрать.

– Молчать, – рявкнул Яков опять, надсаживая горло. – Что здесь происходит, я вас спрашиваю? – и ткнул пальцем ещё раз в самого толстого. Тот измял всю шапку, и начал говорить, трижды протитуловав капитана «вашей светлостью». На колени, правда не упал, и на том спасибо.

Говорил крестьянин долго, суетливо показывая пальцами то на небо, то на чёрный столб. Привязались, по его словам, к деревне несчастья да беды. С самого лета привязались, как раз когда деревня пыталась продать солдатам стоящий на полях урожай.

«Интересно, свой?» – подумал про себя капитан. Мужик, оказавшийся местным старостой, деловито рассказывал меж тем про беды и несчастья. Мало того, что какой-то бородастый

сын дьявола безбожно обсчитал тогда крестьян на честно заработанные на урожае талеры, так и соседи, собравшись со всей округи крепко набили им морды. И все прочие части тела тоже. По колдовскому наущению, не иначе...

«Значит, не свой, раз побили», – подумал капитан мельком, пытаясь вспомнить – а не проходила ли рота осенью через эти края.

Крестьянин меж тем, все также махая руками рассказывал о кознях дьявольских, переполнивших чашу... А кто виноват – понятно дело, ведьма. Давно уже на подозрении была. А уж когда вызванный из бездны зверь порвал господина трактирщика – одного господина капитану тут же предъявили на обозрение. Жалобно стонущего и перевязанного холстиной с ног до головы. Короче, терпение у крестьян кончилось и пошли они правосудие чинить. Как водится, не над теми, кто виноват, а над теми, до кого можно дотянуться.

Яков обвёл толпу глазами ещё раз и похолодел – давать крестьянам говорить было ошибкой. Толпа успокоилась, отошла от первого потрясения и начала накручивать себя – каждое слово старосты встречалось густым одобрительным гулом, криками «так» и «правильно». Староста уже не робко отчитывался перед офицером – орал, махал руками, накручивая толпу. Кольцо вокруг капитана постепенно сжималось – блеск стали и золото шитья на офицерском шарфе капитана ещё держали передние ряды поодаль. Но сзади не видели стали, там слышали только слова – и напирали вперёд, теснили передних. Кое-где над толпой сверкнули в лунном свете жуткие стальные полукружия. Лезвия кос, насаженные торчмя. Капитан уже видел их в деле и его передёрнуло.

Ещё один вдох.

– Назад, – крикнул Яков во всю силу лёгких, – самосуд чините, сволочи.

– Прощения просим, ваша светлость, – теперь староста, почуяв силу, говорил уверенно и даже нагло, – но никак нет. Наша воля...

– Колдовство – дело инквизиционного суда. Не ваше, мужичье дело, в таких материях разбираться...

– Мы, ваша светлость, не католики чёрные, веры истинной держимся, евангелической. Нам инквизиция без надобности. Сами разберёмся, по всем правилам, люди просвещённые...

– Хорош болтать, жги, – заорал кто-то – молодой, да нетерпеливый, выскакивая из задних рядов и заноса над головой иззубренную косу.

Гроном ударил мушкетный залп. Торопыга застыл, коса, перевернувшись, упала с перебитого древка. Парень в испуге шагнул назад, оступился и сел прямо в костёр. И тут же вскочил, убежал с диким криком. Яков обернулся – посреди леса, во тьме под еловыми ветками вспыхнула россыпь злых оранжевых точек – огоньки солдатских фитилей.

«Больно много, – машинально отметил себе капитан, – я приказал поднять одно капральство». На миг воцарилась тишина. Мёртвая, как в сердце бури. И вдруг толпа глухо гудя, шарахнулась в стороны, давая дорогу кому-то.

Тишину разорвал скрип сапог – холодный, мерный звук, царапающий душу. В проход между людьми спокойно шёл человек. Не шёл – шествовал. Капитан его даже не сразу узнал – несуразный берет на голове, клочковатая борода торчком, короткое древко полупики небрежно лежит на плече. Ротный мастер-сержант, но вид у него был такой, что спрятаться захотелось не только крестьянам.

А сержант вышел в середину освещённого круга, остановился и небрежно бросил

– Вольно, – уставная команда сопровождалась величественным взмахом руки. Достойным индого маршала. Яков не знал, что старый волк задумал, но, на всякий случай, решил подыграть.

– С кем имею честь? – спросил он сержанта – вежливо, с поклоном, как старшего по званию.

– Йорг фон Фрундсберг, к вашим услугам. Толпа испуганно зашумела, попятилась...

– Но... но ваша... – запинаясь, спросил кто-то из задних рядов...

– Зовите меня просто – герр оберст, – тем же тоном проговорил сержант.

– Герр оберст, но вы же умерли. – Знаменитый фон Фрундсберг, полковник ланскнехтов действительно умер добрых двести лет назад. Пугать его именем детей и шведов это пока никому не мешало.

– И что? – ответил сержант, лоя храбреца взглядом, – это повод оставлять полковое знамя? Тем более, что на нем изображены Христос, Богородица и все святые... А с таким знаменем, строем и под барабан – черти в аду закрыли все, что можно закрыть и спрятались перед нами. На всякий случай. Разумная, с их стороны предосторожность, я вам скажу. Вот и идём, по старой памяти обратно на землю. Без меня в Германии еретики расплодились, говорят... – тут сержант обернулся, внимательно посмотрел на привязанную к столбу фигуру, хмыкнул в усы и сказал

– Что, уже искореняете? Правильно, так и надлежит поступать с врагами римско-католической веры... А больше лютеран здесь нет? Ну тогда можете идти по домам, я вас больше не задерживаю. – сержант сделал величественный, явно подсмотренный у архиепископа жест – отпускаю, мол.

Поле опустело вмиг, только пятки засверкали... Сержант задумчиво поглядел вслед убежавшим, пару раз пнул ногой потерянные в давке вещи, нагнулся, подобрал чью-то шляпу, повертел в руках. Оглядел поле ещё раз и глубокомысленно заметил:

– Да, капитан, такого быстрого бега я давно не видел. Надо будет наших орлов подучить...

– Только берет не потеряйте и наши себя ещё покажут... герр оберст... – страх ушёл, Якова почти против воли потянуло на веселье... тут он напомнил себе, что пехотному офицеру ржать как лошадь неприлично, отвернулся и пошёл к солдатам.

Спасённую Рейнеке попытался донести до лагеря сам, не доверяя никому такое дело. Итальянец Лоренцо сунулся было – то ли помочь, то ли посоветовать что-то весёлое. Сунулся и отлетел, как ошпаренный. Впрочем, голосу разума в лице увязавшейся за мужем Магды парень вскоре внял. Спасённую девушку – капитан заметил длинную прядь волос – уложили на сымпровизированные Гансом носилки. Дальше солдаты дошли без приключений. И ношу свою драгоценную донесли, даже не уронили ни разу.

Пока капитан сдавал лошадей, церемонно извинялся перед французами – гигант де Бра-сье извинения принял, пусть и с ворчанием – Магда бесцеремонно заставила юнкера уложить его ношу на лавку и погнала за водой. Солдаты сгрудились вокруг, Яков подошёл тоже – интересно было посмотреть, из-за кого чуть не пришлось под крестьянскую косу подставляться.

Девушка. Совсем молодая, лицо – простое, круглое с россыпью ярко-рыжих веснушек. Довольно милое... Яков скосил глаза на Рейнеке и подумал, что вслух это говорить не стоит. Не типичное для этих мест лицо, капитану почему-то пришёл на ум полковник О'Рейли. Яков даже пытался вспомнить, а не проходил ли их полк в этих местах лет эдак пятнадцать – шестнадцать назад. Лицо бледное, щеки горят, глаза – закрыты.

«Если умрёт – будет обидно. Зря подставлялись» – подумал было капитан, но тут девушка на мгновение открыла глаза и прошептала пару слов. Капитан расслышал «Милый ангел», а дальше шёл совсем бред. И провалилась в беспамятство снова.

– Что с ней? – спросил Рейнеке сам не свой от волнения. Магда пощупала девушке лоб и от души выругалась.

– Да заморозили девчонку, ироды деревенские. Вон, горит вся. Шутка ли мороз такой... простудилась...

Пристроившийся в углу у печки мастер-сержант на этих словах весело хмыкнул:

– Простудилась, бедная. На костре стоя. Ну точно, ведьма... Эй, Рейнеке, я же шучу... – поспешно добавил он, видя как юнкер тянется к кинжалу.

Капитан подумал, что теперь без него разберутся и ушёл наверх. Спать хотелось ужасно.

1—10

Решения

Комната Якову досталась маленькая, тёмная и довольно грязная. Но кровать в ней нашлась и даже стол с табуреткой. Капитан сел на тонкий матрас, огляделся – клопов вроде нету и подумал, стоит ли раздеваться или судьба подкинет ещё один аларм на ночь глядя. Потом решил, что на сегодня приключений достаточно и начал стаскивать с себя сапоги. Стащил один и тут в дверь постучали. Тихо, но настойчиво...

– Да, – прорычал Яков. Дверь распахнулась. На пороге статуей застыл Рейнеке. «Опять он, – подумал капитан, – но в этот раз, хотя-бы одет для разнообразия».

– Что случилось?

– Герр Капитан, я... я протестую.

– По поводу чего?

– Вы говорили, про передачу нашей, – тут парень на миг замялся, – в инквизиционный суд.

Якову остро захотелось рассмеяться. А потом взять и загнать парня в самый дальний караул до окончания времён, чтобы не издевался на ночь глядя над офицерами. Но потом расхотелось. Очень уж серьёзно выглядел пацан. Очень уж прямо держался. Даже кафтан застегнул на все пуговицы. Поэтому капитан просто сплюнул и выругался.

– Рейнеке, мать твою, ты хоть один инквизиционный суд в империи видел? Их и нет уже давно. Хочешь знать – последний закрыли, когда сержантский берет ещё был в моде. Да в этой глуши вообще ни одного суда нет, передавать некуда. Но если ты так волнуешься – бери бумагу, пиши.

Юнкер подчинился. Капитан сплюнул ещё раз и начал диктовать.

– Заседанием суда военного трибунала» – поставь дату...

– А какое сегодня...

– Любую, не отвлекайся. В составе. Двоеточие. Как у тебя полное имя, парень? С титулом?

– Барон фон Ринген унд Лессе цу...

– Значит в составе благородных и достославных вольных солдат императора нашего Фердинанда, господ Фон Рингена и Лессе. Рассмотрел дело, подданной императора... имя потом впишешь. Подозреваемой в колдовстве. И вынес решение.

Юнкер вздрогнул, капитан усмехнулся и продолжил.

– А вот здесь пропусти пару строчек. И внизу напиши. Приговор окончательный пересмотру не подлежит. Все. Свободен. Печать у сержанта

– А... герр капитан. Какое решение писать?

– А какое хочешь... под твою ответственность теперь.

Надо было добавить пару фраз – предупредить парня, чтобы не увлекался, но Яков взглянул в юнкеру в глаза и решил – сойдёт и так. И попросил юнкера закрыть дверь с той стороны. Спать хочется всем, даже иногда и начальству. Вот Яков подумал и завалился – как есть, в одном сапоге. А то мало ли что...

Дом затих, только Магда крутилась вокруг спасённой девушки. Магда, да Рейнеке-юнкер, прогнать которого у Магды не получилось. Девица то приходила в себя, то проваливалась обратно в беспамятство. В один из таких моментов Магда услышала вдруг, как юнкер, с совсем неуместной здесь церемонностью спрашивает у девушки её имя.

– Анна, – прошептала она и опять потеряла сознание.

«Замечательно, – подумала Магда, безжалостно отгоняя Рейнеке от больной подальше, – от кого же ты, красавец, бежал на ночь глядя, да ещё и в одном сапоге? Сенювал теперь не повод для знакомства? Впрочем, кто бы говорил...»

Глава 2

Марш в никуда

2—0

попутчик

Под утро выпал снег, укутал землю и еловые ветви в лесу блестящим, переливающимся искрами на солнце одеялом. Это было красиво – как отметил про себя Яков выйдя на двор. Отметил краем глаза, той частью головы, что не была наглухо забита ротными делами и бедами. Обоз, повозки, солдатская обувь, вся тысяча и одна мелочь требующая капитанского внимания. «Припозднилось начальство с роспуском на зимние квартиры, ой припозднилось» – вздохнул он тяжело, прикидывая про себя сколько бед несёт роте эта красота. Если бы вышли из лагеря на неделю-две раньше – шли бы спокойно по твёрдой земле. А сейчас – разлапистые зелёные ели за забором укрыли снежными шапками пушистые ветки, зимнее солнце пробилось из-за туч, светило вовсю, его лучи играли на снегу, пуская в глаза яркие разноцветные искры. Капитан поморщился. Белый, искрящийся снег лежал везде. Чистый, праздничный. Лесли представил себе пеший марш по такой красоте и от души выругался. И не идти нельзя – сейчас деревенские очухаются...

Внезапно под ухом заскрипел снег, оторвав его от невесёлых мыслей. Яков обернулся. По двору перевалку шёл мастер-сержант, задумчиво почёсывая на ходу лохматую бороду.

– Доброе утро, герр капитан. – вежливо поздоровался тот.

– Доброе, сержант, доброе. – ответил Яков, смотря как парни из третьего капральства пытаются вытолкнуть обозную телегу за ворота. Колеса скользили по снегу и льду, застревали в ямах, оглобли выворачивались из рук. Люди ругались, кляня на чем свет стоит тяжёлую махину.

– Если конечно его можно так назвать.

– Почему же нельзя, можно. Утро, оно всегда доброе. Когда не последнее. – усмехнулся сержант, откашлялся и продолжил:

– Тут такое дело, герр капитан. Вчера ночью на поле. Олухи то эти деревенские. Ой, скажу я вам, дров они хорошо натаскали, много. На пару талеров. Это по меньшей мере, а если с душой к этому подойти – Яков обернулся на каблуках и сердито посмотрел на улыбающегося в бороду сержанта. Знал он это сержантское «с душой» отлично знал.

С того стало бы продать деревенским их же собственные дрова. А потом ещё раз, их соседям. А потом дожидаться, когда все передерутся, торжественно разнять и снять со всех штраф за нарушение земского мира. В свой карман, разумеется – старый вояка проделывал такое не раз и не два на капитанской памяти. Только тогда шла война и жаловаться пострадавшим было некому.

– Дрова, говорите? Сжечь одного самозванного оберста? Даже не думайте, мастер-сержант.

Сержант обиженно засопел, сверкнул на капитана злыми глазами.

– Вот я то, капитан, как раз и думаю. Я – думаю. – повторил он, упрямо, сквозь зубы выговаривая слова, – О том что идти нам на юг. Долго. Вначале пустошь, потом Эльба. И единственный мост – в Мюльберге, правильно?

– Да, другой дороги здесь нет. – подтвердил Яков, уже понимая к чему тот клонит.

– И в ящичке денежном у нас, как всегда, мышь повесилась. Опять нечего возразить.

– А в Мюльберге без денег ходить... Сами понимаете, капитан... Яков понимал. Отлично понимал. И ему это совсем не нравилось.

– Перебьются. – холодно бросил он. Сержант вдруг улыбнулся

– Ну, я, положим, перебьюсь. – тут сержант улыбнулся ещё раз, будто вспомнил что-то приятное, – Вы пуританин. Ганс женат, Лоренцо, – последовал ещё один короткий смешок, – этот выкрутится. А остальные, – улыбка исчезла, – Остальные, капитан, пойдут брать штурмом веселье дома. Весело, с огоньком, держа наперевес справку о задолженности. И, по обычаю, будут в своем праве, только поди объясни это городским. Будет бунт. К гадалке не ходи, будет.

– Дисциплина в роте – ваша ответственность, сержант. Пока вы справлялись.

– Потому и справлялся до сих пор, что такие вещи наперед думаю.

– До Мюльберга далеко – успеем подумать, сержант...

Под ухом опять заскрипели сапоги и в разговор вмешался мягкий французский говор:

– Пусть завтрашний день сам позаботится о себе, – это подошёл младший из французов, аббат Эрбле. Нашёл место для библейской цитаты. Сержант только сплюнул на снег и ответил – сердито, сквозь зубы:

– У господ нашего апостолы под командой были. Числом двенадцать. А у меня уроды. Числом под сто. Поневоле приходится

– Сержант – оборвал его Яков, прежде чем старый волк до богохульства не договорился. От ворот раздались удар, крики и сдавленный мат – на горке повозка вывернулась у людей из рук. Кто-то отпрыгнул, кто-то получил по ноге. Судя по отборным ругательствам серьезно никого не зацепило, но все-таки... Капитан устало махнул рукой. – Ладно, сержант, один день даю. Дневка. Все равно надо обоз перепаковать, перетянуть все, что можно. Переход будет долгий.

Сержант усмехнулся в бороду и пошёл

– Что-то старый волк сегодня не в духе, – заметил Эрбле, провожая взглядом уходящего вояку.

– Это не «не в духе», – ответил Яков, – это так, лёгкое раздражение. Вот когда он действительно не в духе... – тут капитан оборвал фразу, выругав сам себя в душе за глупость –

о таком чужим не рассказывают. Тем более чужим французам. К счастью для него, аббат решил сменить тему:

– Кстати, а что это за Мюльберг такой, о котором он так беспокоился?.

– Весьма примечательное местечко. На юг отсюда.

– Вы идёте на юг?

– Да. Куда зимние квартиры назначили.

– Не возражаете, если мы с шевалье составим вам компанию? Нам как раз в ту сторону, а дороги в это время опасны.

Уходящий сержант внезапно развернулся, смерив французского шевалье долгим взглядом из-под кустистых бровей. Капитан посмотрел на него, потом на ворота конюшни и сказал

– Ничего не имею против.

2—1 поле

Рота покинула поместье на следующий день, прошла через лес, потом по полю неудавшейся казни. Капитан на всякий случай велел мушкетерам зажечь фитили. Но их серые дымки зря коптели небо – никому не было дела до идущих мимо солдат. Пресловутые дрова с поля давно убрали – сержант при виде пустого, вытопанного сапогами места только рукой махнул. Яков оглядел кромку леса вдаль, нахмурился и приказал ускорить шаг. Итальянец Лоренцо у знамени улыбнулся и засвистел такой неуместный в строю весёлый мотивчик. Немилосердно фальшивя при этом. Капитан обернулся, пробегая глазами шагающую по снегу колонну – нет ли отстающих. Вроде все на месте, но лучше проверить. Яков открыл было рот, послать Рейнеке назад, но обнаружил, что юнкера на положенном месте – за левым плечом капитана – нет. Вроде бы только что был.

«Куда он, мать его, провалился? – подумал капитан поворачивая коня, – хуже места не нашёл – отстать?»

Ан нет, вот он – Яков вздохнул с облегчением, увидев знакомый чёрный ёжик волос далеко с тыла, у самых обозных телег. Идёт себе пешком, ухватившись за высокий борт. Разговаривает с кем-то невидимым за высоким пологом. Тихо так разговаривает, вежливо, поминутно смущаясь и путая слова. И начальства, скотина эдакая, в упор не видит. Капитан постарался подкрасться как можно незаметнее и вежливо – как ему показалось – осведомился у Рейнеке, знает ли он, где ему положено быть. Застигнутый врасплох юнкер извинился. Впрочем, ему явно казалось, что он должен быть именно здесь, неважно, что на этот счёт говорят капитан и уставы. «Ну сейчас я ему, – подумал капитан, прикидывая, в какой бы караул парня загнать для вразумления, но тут из-под полога повозки на Якова сверкнули карие глаза и тихий голос вежливо произнёс:

– Не ругайте его господин офицер. Пожалуйста. Он хороший.

– Последний хороший человек в этой армии умер с голода ещё при Тилли, – машинально ответил Яков, а потом долго пытался сообразить: «а это кто?». Круглое веснушчатое лицо, рыжие волосы, упрямо пробивавшиеся на волю из под тяжёлой солдатской шапки. Потом вспомнил – спасённая из деревни. Очнулась. И как только юнкер умудрился устроить её в обоз?

– Юнкер, займите своё место. И шапку наденьте, не лето. – устало бросил капитан. Рейнеке отдал честь и пошёл. Хотя последнюю фразу предпочёл не расслышать.

Яков развернулся и ещё немного проехал назад, в хвост колонны, Пропустил последние ряды мимо себя, огляделся – на глаз, все было в порядке. Потом обернулся и какое-то время с интересом следил за Рейнеке. Прям живая иллюстрация к учебнику баллистики – тело под воздействием разнонаправленных сил. Инерция капитанского окрика, притяжение карих глаз – в итоге юнкер, описав по полю сложную, но вполне подчиняющуюся формулам кривую вернулся к повозке. И шапку стервец так и не надел. Уж больно ладно она сидела на рыжей девичьей головке.

– Ну я ему... – подумал было капитан, готовя в голове слова для очередного разноса.

– Бесплезно капитан, – вдруг сказал ему горбоносый стрелок Ганс, шагавший в колонне замыкающим – если будет позволено обратиться...

– Да.

– Но если сейчас, к примеру, сюда явится их величество император и прикажет парню идти налево. А королева Швеции, к примеру, прикажет направо...

Яков попытался представить такую кучу королей с придворными в глуши, на запорошённом снегом поле. Картинка в голове нарисовалась совсем забавная – Яков даже улыбнулся. Ганс продолжил:

...то парень пойдёт, куда Анна скажет.

– Личный опыт, солдат?

– Вроде того, – улыбнулся стрелок и вдруг, с места вскинул к плечу тяжёлый мушкет.

– В лесу за нами, – бросил он коротко, – Движение.

Капитан пригляделся. Да, что-то шевелилось вдали, под чёрными еловыми ветками. Серые тени на тёмном.

– Волки, что ли?

– Крестьяне. Поджидают отставших.

Все, как всегда. Деревенские прячутся при виде солдат в строю, и перекрывают дороги сразу за ними – ловят отставших и заблудившихся. Ой, и плохо же бывает попавшим в их руки.

– Совсем обнаглели. Разрешите подстрелить парочку?

– У нас отставшие есть? – спросил капитан.

– Нет. Точно нет, – тут Гансу можно было верить.

– Тогда бог с ними. Мы в эти края ещё не скоро вернёмся.

Ганс опустил ствол. Звякнула сталь – как капитану показалось, обиженно. Яков развернулся и послал коня назад, в голову колонны. Из-под частокола пик ветер донёс обрывки солдатского разговора «Веселей шагай, ребята, в Мюльберг идём», весёлый смех и поток похабных шуток. «Тьфу, богомерзость» – сплюнул капитан и поспешил проехать дальше вперёд, поближе к знамени.

«А ведь сержант кругом прав, насчёт Мюльберга. – подумал он было. – Ладно, завтрашний день сам о себе позаботится». Ничего путного в голову всё равно не приходило.

2—2 трофей

Болела Анна недолго. Помогли Магдины травки или молодость – неизвестно, но уже через пару дней девушка встала на ноги. Точнее попыталась встать – повозку, в которой она ехала, изрядно трясло и встать в ней на ноги сразу не получилось. Упав пару раз, она присела, ухватилась руками за борт повозки и огляделась вокруг. И с трудом сдержала рванувшийся из груди крик ужаса. Было от чего.

В её деревне непослушных малышей не пугали бабайкой, а непутёвых отпрысков – Высокой женщиной или Ладиславом-королем. Вместо этого говорили – страшным, пробирающим до костей шёпотом – солдаты заберут. И все боялись. Знали – есть чего. Однажды в деревне пропал мальчишка-пастушок. Вместе с коровами. Староста оглядел поле тогда, посмотрел на землю, изрытую следами копыт – коровьих и лошадиных, плюнул и сказал одно слово – солдаты. Это слово, звучащее как ругательство, говорили в деревне ещё не раз и всякий раз – к беде и горю. Ещё была дочка священника – её потом нашли в лесу, истерзанную до неузнаваемости. «Солдаты. Просто шли мимо», – шептались соседи и Анна не знала, чего в этом шёпоте было больше – горя от того, что солдаты прошли или трусливой радости – что мимо.

Потом они пришли и в саму деревню. Летом, когда поля вокруг плавилась от жары. Мать спрятала Анну в подвал тогда. Просто схватила за воротник, и толкнула вниз, в тёмный лаз, велев напоследок сидеть тихо. Она и сидела, дорожа и вжавшись в стену и, с замиранием сердца, вслушивалась в каждый доносящийся сверху звук. Когда наверху загремела дверь, и мать сказала выходить – оказалось, прошёл целый день. Солдаты ушли. Их дом почти не тронули – почти, но вид у матери был от этого совсем нерадостный.

А теперь, получается, солдаты забрали её.

Первым делом Анна крепко зажмурилась – может быть, получится развидеть это. Не получилось. Зато в голову ударили совсем другие воспоминания – сломанная печь, разорванный, лежащий на снегу в лужи крови трактирщик, искажённые лица односельчан, крики «ведьма». И страшный столб с которого Анна почему-то вырвалась живой.

Девушка прошептала молитвы – все, какие знала. Вначале те, что учила мать, потом те, что бормотал пастор на воскресных проповедях. Потом вспомнила про Даниила и отроков, спасённых из пасти лавиной. Или то была печь огненная? Анна грамоту знала, но в Библии была не сильна. Ещё вспомнилась вязанка дров и ласковый взгляд невидимого ангела. «С тобой ничего не случится. Не для того же спаслась с того жуткого столба...» – подумала она, открыла глаза ещё раз и огляделась вокруг уже с интересом.

Прошёл день, потом ещё один. Анну, к её удивлению, никто не съел. Рота шла по пустой, занесённой снегом равнине. Голой серой равнине под серым небом. На горизонте торчали одинокие столбы – не поймёшь деревья или виселицы. На ночь лагерь разбивали в оврагах или руинах сожжённых деревень – другого укрытия от ветра в этом краю не было. Повозкой, в которой ехала Анна управляла Магда – высокая светловолосая женщина лет тридцати. Она носила немислимый, для деревенских глаз, наряд, прятала под шапку длинные волосы только в мороз, всё знала и ничего не боялась. Будто всю жизнь здесь прожила. Однажды Анна набралась храбрости, спросила и, с огромным удивлением узнала, что так и есть – всю жизнь. Вначале за мате-

рю, потом за мужем – высоким, горбоносим стрелком по имени Ганс Флайберг. «Как такое может быть?» – думала она, трясаясь на дне повозки. А рота шла и шла вперёд, делая по десятку миль в день по холодной, выморочной равнине.

Анна помогала Магде по немудрящему обозному хозяйству, молчала, да смотрела вокруг во все глаза. «Львы» были похожи друг на друга – грубые, звенящие сталью, пропахшие потом, порохом и оружейной смазкой люди. Оборванная одежда, невытые волосы свитые в косу на затылке, грубый говор, с божбой и богохульствами через слово – да, таких можно было испугаться. Но и все разные – скоро Анна научилась их различать. Пешком шли рядовые, пехота – те самые грубые, сыпавшие через слово ругательствами ребята. Меньшинство – ветераны. У них были холодные, выцветшие глаза, усталые лица, движения их – скупы и расчётливы. На Анну они смотрели – как сквозь неё, не видя. Впрочем, только вначале, потом один из таких подвернул ногу, Магда, хозяйка повозки попросила помочь. Анна помогла, потом ещё раз. И ещё. Глаза у ветеранов не то что бы потеплели, но что-то в них дрогнуло. Будто взяли за шкуру и переложили из ранга «добыча» в «своя». Краем уха она слышала от них слово «ведьма» в свой адрес. Услышав такое в первый раз Анна невольно вздрогнула

– Ты погоди, ближе к делу амулеты просить придут, – скалилась в улыбке светловолосая Магда, – от старухи с косой. В нашем деле ничего не вредно...

– А как же? – спросила Анна, поёжившись – на память опять пришёл тот страшный столб.

– А так. Не бери в голову – живые скажут спасибо, а мёртвым будет все равно...

Анна выгнала из головы страшные воспоминания и принялась оглядываться дальше. Большинство же было безусыми новобранцами – эти матерились больше всех, бряцали оружием, при виде Анны задирали носы. На вид – обычные, деревенские парни, вроде сыновей мельника – те, вдали от отцовского глаза, так же смешно хорохорились. Анне они опасными вначале не показались. Вначале – пока тройка таких юнцов, дыша перегаром и матерясь, не попыталась зажать Анну, когда она неосторожно отошла от костра в лес. Тогда она даже не успела испугаться. Стрелок Ганс, муж Магды возник из ниоткуда, распугал сопляков – даже не движением, одним взглядом холодных серых глаз. Потом обернулся к Анне, хмыкнул и сказал

– Вы их извините. Им столько раз говорили, что они прокляты. Они поверили... – стрелок проводил убежавших юнцов холодным взглядом и добавил, – бедолаги.

Потом один из этих юнцов приполз в их повозку – днём. Лицо белое, глаза вытаращены от ужаса. Парень всего лишь сбил ноги, криво намотав обмотки. «Ничего же страшного, – думала Анна, привычно обрабатывая рану. Потом вслушалась – юнец боялся отстать и выпасть из строя. А за ротой будто-бы шли крестьяне, охотясь на отставших и заблудившихся. «Странно, – думала Анна, шепча парню что-то ободряющее, – а деревенские боятся солдат. Так же, до ужаса». Юнец вернулся в строй и приставать к Анне больше не пытался.

Ещё в роте были господа офицеры – эти носили шпаги и перевязи, полинявшие золотые шарфы через плечо, говорили вежливо, по делу и почти без божбы. Таких в роте было – капитан Лесли, высокий, скуластый, скупой на слова и жесты шотландец. Его у костров уважали, хоть и не говорили этого вслух. Был сержант Мюллер – невысокий, почти квадратный, заросший до глаз бородой ветеран. Анне вначале он показался смешным, но потом она с удивле-

нием поняла, что старика у костров откровенно боялись. Ещё был прапорщик Лоренцо – этот иногда что-то пел, смешно фальшивя, и юнкер со странной то ли кличкой то ли именем – Рейнеке неЛис. Высокий, нескладный, слишком робкий для солдата паренёк. Совсем еще молодой, чёрный ёжик волос на вечно непокрытой голове. Магда говорила – это он вытащил её с того столба.

Да ещё и оплатил Магде перевозку и лечение. Впрочем, последнее проходило пока по графе – «не боись, лишнего не возьму, свои люди, красивый». Если бы это слышали другие – сержант посмеялся бы, а капитан предложил бы парню сдать ему на хранение всё более – менее ценное. Но они не слышали, а парень до срока не подозревал, на что влип. Он то и дело подходил к их повозке, что-то говорил, смущаясь так, что сложно было удержаться от улыбки. Анна и улыбалась, невольно. Парень от этого смущался ещё больше и вежливо называл её на «Вы».

Этому церемонному «Вы» Анна вначале очень удивлялась. Потом краем уха услышала – кто-то (как позже выяснилось капитан, которому совсем не нужны были лишние неприятности) пустил слух, что Анна – дочь их бывшего полковника. Что с этим делать было решительно непонятно, но не кидаться же было с разъяснениями к каждому костру. Да и отца своего она все равно не помнила.

В общем, пока все было хорошо. Если бы не...

2—3

два огня

– Глянь, твой идёт, – весело окликнула её Магда. Была ночь, они вдвоем сидели у лагерного костра. Трещал огонь, холодные ясные звезды смотрели на них с бескрайнего неба. Анна машинально оглянулась – действительно, к костру шёл Рейнеке, на пару с итальянцем Лоренцо. Оба хмурые и, неожиданно для них сосредоточенные.

– Злющий... – проговорила Магда протяжно, смотря на юнкера – в лицо, на упрямо сжатые скулы, – того и гляди, покусает кого...

– Чего это с ним? – спросила Анна.

– Не знаю. Твой мужик, ты и выясняй. – на этих словах Анну передёрнуло. Вот с чего вся рота уверилась, что они с юнкером муж и жена? Магда, по крайней мере, уже пару раз предлагала в свойственной ей грубовато-добродушной манере – уступить повозку, пока её Ганс в карауле. И очень удивлялась осторожным отказам. И что теперь ей с этим делать?

– Эй, ребята, вы чего удумали, – взволнованный голос Магды оторвал Анну от невесёлых размышлений. Та подняла глаза – и обомлела. Рейнеке с Лоренцо, не дойдя десятка шагов до их костра, свернули в сторону и остановились. Анна, с непонятным для себя волнением смотрела на них. Мужчины обменялись парой слов: Рейнеке – злых, итальянец – насмешливо – равнодушных. Потом оба синхронно сделали по шагу назад. Лунный свет хищно сверкнул на извлечённой из ножен стали.

Анна вдруг с удивлением поняла, что уже не сидит, а бежит – со всех ног, опрометью. Магда что-то крикнула ей сзади – что именно – она не разобрала. Два клинка – две полосы холодного лунного света впереди. Уже одна – шпага юнкера, звеня, скрестилась с длинной рапирой итальянца. Анна на бегу протянула руки, толкнула эту полосу вперёд, от себя, как толкают дверь или загораживающую путь толстую лесную ветку. Ладонь обожгло болью. Анна пролетела по инерции ещё пару шагов и остановилась, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

– Ребята, вы чего? – Спросила она, удивляясь, как дрожит её голос. Те не ответили – смотрели на неё и друг на друга. Юнкер – зло, Лоренцо – насмешливо.

– Ребята, не надо, – повторила она. Господи, как же беспомощно это прозвучало.

– Как будет угодно сеньоре. – Итальянец шутливо поклонился, кинул рапиру в ножны, повернулся и ушёл, насвистывая. Как Анне показалось – с облегчением. Юнкер ещё стоял на месте – шпага в руках, лицо злое. Потом с удивлением посмотрел на зажатый в руке клинок. Лицо его дрогнуло, злость ушла – как то вмиг и сразу. Он вроде бы хотел что-то сказать, но тут в круг ворвалась Магда, парень убрал клинок в ножны и тоже ушёл. В противоположную от итальянца сторону.

– Что это они? – прошептала Анна, до сих пор слабо веря в случившееся. Рейнеке – милый смешной паренёк. Да он и мухи не обидит. Да и Лоренцо. И вдруг как взбесились. Оба.

То есть не то, чтобы оба – итальянец ушёл с поля чуть ли не радостно. Странно, он всегда казался Анне куда опаснее нескладного юнкера. А тут...

– Ладонь перевяжи, – окликнула её Магда. Анна посмотрела вниз и с удивлением заметила, что с ладони капает кровь. Должно быть, порезалась, разводя руками клинки. Девушка ойкнула, потянулась за тряпкой. Магда перехватила её за запястье, достала откуда-то из складок юбки чистую тряпку, перевязала – туго, но аккуратно. Анна огляделась ещё раз

– Чего это они?

– Сейчас выясним. – решительно сказала Магда, развернулась и пошла назад, к лагерю. Анна, по прежнему ничего не понимая, пошла за ней. Ближе к кострам мушкетёрская жена остановилась, огляделась и властно окликнула проходящего мимо солдата:

– Эй, Майер. Иди – ка сюда.

– Да, Магда, чего тебе? – отозвался большелобый, рябой солдат. Вначале весело.

– Это ты в последний караул с Рейнеке ходил? На потерянную стражу?

– Ну, да – неуверенно ответил тот

– В что там было?

– Да ничего. Стояли, трепались...

– А подробнее? – Магда напирала, солдат оглядывался, не зная, куда бежать, – чего тебе, Магда?

– Да о чем трепались, интересно знать?

– Да, так, байки травили. За жизнь, за старые дела...

– За итальянца нашего ... – в тон ему ласково вставила Магда.

– Ага. – оскалился тот, выпятив вперёд тяжёлую челюсть. – Мюльберг впереди, настроение весёлое, сама понимаешь...

– И за Брезахскую тюрьму небось говорили? —

– Ага...

– Свободен, – рявкнула Магда. Солдат исчез.

Магда проводила его взглядом, сплюнула и сказала сердито:

– Ещё и приврал небось половину. У самих язык без костей, а нас болтушками называют.

– А что с Брезахской тюрьмой? Лоренцо там сидел? – машинально спросила Анна, ничего не понявшая в этом странном диалоге.

– Нет, его туда не пускали. – Магда встряхнула головой, огляделась, и сказала уже спокойнее

– Короче. Ясно, всё, с этими идиотами. Язык без костей, треплются – как мы, прости господи. Тока мы по делу, а они про нас. Наболтали юнкеру всего – и что было и что не было вперемежку, а он уши развесил, дурак. Репутация у нашего Лоренцо весёлая – тут и тюрьма Брезахская и ещё много чего... не удивлюсь, если олухи эти уже пари на французский манер устроили – когда у юнкера рога отрастут. Вот парень и взбеленился.

– И что же делать теперь?

Магда набрала воздуха в грудь и расписала девушке подробно и в красках – куда ей юнкера брать и что там с ним делать. Пока вся дурь из парня не вытечёт. Выдохнула, полюбовалась на Анну, покрасневшую до корней волос и добавила: «успокойся, это не приказ».

– Пока, – добавила она, но тихо, так чтобы не услышали...

2—4 МЕЧТЫ

– Эй, Рейнеке, не спи на ходу.

Высокий, нескладный парень в ответ лишь улыбнулся. Улыбнулся, провёл рукой по чёрному ёжику волос. Хрустнула ветка под сапогом. Вокруг расстилалась равнина – все та же серая, занесённая снегом бескрайняя на вид пустошь. Справа непроходимой колючей стеной тянулся чёрный еловый лес. Слева – бело-серая ровная хмарь, иногда разрываемая пятнами тёмного – с такого расстояние не видно – деревья это, виселицы или трубы разбитых печей. Над головой – та же муть облаков. Не сразу поймёшь, где здесь заканчивается земля, и начинается небо.

– Эй, Рейнеке, – парень обернулся и махнул рукой. Нравились ему его новое прозвище. Гораздо больше собственного имени. «Барон фон Ринген унд Лессе цу Пейпусзее».. – отец всегда требовал произносить это имя полностью, гордо. «Это славное имя. Мы должны...» – Рейнеке поёжился вспоминая – вот они сидят дома. Отец, как всегда, когда не в отлучке, сидит во главе стола, говорит – не говорит, вешает, стуча кулаком по столу: «Мы должны испытывать гордость за...». Мама подаёт на стол, стараясь держаться как можно незаметнее. Воеет ветер в прохудившейся крыше... Рейнеке поёжился ещё раз. «Барон фон Ринген унд Лессе цу Пейпус-зее» – половина из услышавших это имя сочувственно кивала. А другая ехидно спрашивала – а где этот Пейпус-зее вообще находится? Ах, в Ливонии? И что обладатель столь славного имени делает на другом краю земли? Ах, орды варваров? Неисчислимы, говорите? И ничего унести не удалось, совсем? – ехидно замечали соседи, намекая на то, что свою шкуру предки юнкера как раз унесли. А вот тут приходилось или молча глотать позор или...

Кроваво-красный лунный круг в небе, шпага в руке – внезапно очень и очень тяжёлая. Багровый отсвет стекает по лезвию вниз... – ребром левой ладони по правой, наотмашь. Руку на миг пронзила боль, непрощенные воспоминания сбежали.

Ведь позор и в самом деле позор, как отец этого не понимает? Впрочем, отец много чего не понимал. Или не хотел понимать. Например, почему мама плачет ночами в подушку, одна. В те дни, когда он был дома. Впрочем, дома старший барон бывал не часто. Иногда он пропадавал на месяц, иногда на год, а потом возвращался. Никогда не рассказывал где был, просто садился за стол, требовал обед и начинал разглагольствовать. В последнее время он часто приезжал не один. Их дом изволила навещать их светлость. Или крестная, как она просила её называть. При этих словах мать кривилась, как на прошлогоднее мясо на рынке, но молчала. Крестная – пожилая, очень хорошо одетая. Царственного вида. Держалась она просто, говорила всегда тихо, вежливо и с улыбкой – но отец при ней сидел тише воды ниже травы. И даже починил крышу. А мама плакала в подушку – ночами, когда ей казалось, что её никто не слышит. У Рейнеке был острый слух. Иногда он жалел об этом.

– Эй, Рейнеке, заснул что ли, – окликнули его ещё раз. Юнкер потряс головой, разгоняя морок, и поспешил вперед – догонять отряд. Маленький отряд – десяток ветеранов, он, да прапорщик Лоренцо. Передовой дозор. День назад рота свернула с дороги – просека в лесу была завалена упавшими деревьями. Снежный буран или лихой человек – непонятно. Офицеры поспорили – Рейнеке с изумлением смотрел как спокойный и, обычно выдержанный капитан и старый сержант орут друг на друга. Переспорил, в итоге, капитан. Рота повеселела – прорубаться через завалы никому не хотелось – и повернула в обход. Странно, новая дорога была

шире, хоть и гораздо запущенней. Ей явно давно не пользовались. Люди упорно ходили через лес напрямик, хотя по картам это сокращало путь совсем не на много. Странно. Шумели под ветром могучие чёрные ели, колючие снежинки слетали с высоких древесных крон вниз, под ноги солдатам. Настороженно скрипел под сапогами снег. Они шли – молча, сосредоточенно, оглядывая внимательными взглядами тьму леса и снежное поле вокруг. Налетел ветерок, резкий запах ударил в ноздри – Рейнеке машинально поморщился, и сразу-же бросил это занятие – не хватало ещё пехотинцу воротить нос от пронзительно-резкого запаха горящих фитилей.

– Не отставай, НеЛис, – окликнули его ещё раз. Юнкер снова поморщился. Уже не от запаха – эта кличка нравилась ему гораздо меньше. И как его дёрнуло вспылить тогда? Тоже позорище, если подумать. Надо держать себя в руках – тут отец прав. Он же не из каких-то низкородных. Рейнеке тряхнул головой, выгоняя из памяти продолжение отцовской сентенции и оглянулся. Дорога заворачивала влево. Лес заметно редел. Начинался подъём – впереди был холм, пологий, но длинный. Патруль шёл вперёд. Итальянец Лоренцо – во главе. Старательно делает вид, что ничего не случилось. А может и впрямь ничего...

«И чего я взъелся, – подумал юнкер еще раз, – мало ли что говорят. Даже если этот красавчик и впрямь вышел из Брезахской тюрьмы под руку с дочерью коменданта». «Даже если не врут – какая разница. Анна, она», – тут мысли Рейнеке совсем разлетелись, как снежинки на ветру, – вихрем сверкающих искр. Анна, она... гордо поднятая рыжая голова, тихий, всегда вежливый, говор, улыбка – даже когда рота шла по мёртвой равнине, повозки вязли по ось тяжелом и влажном снегу и падали без сил бывалые ветераны. Даже Рейнеке умотался тогда, шёл злой как черт и гадал – кого бы загрызть для поднятия настроения. А у Анны находилось для всех доброе слово. И ласковая улыбка. И перевязка для сбивших ноги. Даже для таких, по кому петля плачет. Так ведут себя принцессы в сказках – старых сказках, что читала мама ночами. «И велела злая мачеха отнести корзину с ребёнком в лес...».

«Может это и не сказка вовсе. – думал Рейнеке иногда, – Но капитан говорил, что Анна – дочь их старого полковника?» В этой фразе ещё были слова «похожа на», но их юнкер в упор не расслышал.

Солдат справа от него – долговязый веснушчатый ирландец оступился и замер как вкопанный. Юнкер вздрогнул, возвращаясь к реальности. Пологий холм под ногами оборвался внезапно. Впереди плавно спускалось широкое поле между двух лесных стен. А посередине тёмной громадой высилось... Рейнеке сморгнул, не веря своим глазам. Раз, другой. Первыми в глаза бросались две башни – два чёрных, волчьих клыка на фоне серого неба. Похоже на колокольни собора, но... не сияли золотом кресты наверху, чернел острой пастью провал на месте двускатной крыши. Вокруг – высокий, толстый пояс камней. Как стены, но вместо аккуратных зубцов поверху – мешанина. Юнкер втянул ноздрями воздух и глухо ощерился – впереди, в этой каменной каше, была только смерть.

– Что это? – прошептал кто-то под ухом. Рейнеке услышал, как предательски дрожит чужой голос.

– Имперский вольный город Магдебург.

– Добро пожаловать, – сказал один из солдат, сплюнул и длинно, забористо выругался.

2—5 город

Лагерь разбили тут же, у кромки леса – офицерские палатки вверху, на холме, рядовые – внизу, прячась в тени еловых лап от холодного ветра. Пара часов ушло на неизбежную суету – развернуть в круг повозки, распрячь усталых коней, растянуть полинявшие крылья палаток. Сержант, по обычаю, ругался, расставляя посты. Пару капральств загнали в лес – рубить дрова для костров. С ними, по старой привычке увязались и солдатские жены – за хвостом и растопкой. И, среди них, Анна, старавшаяся не отходить от Магды далеко. Девушка шла, машинально уклоняясь от норовивших ткнутся колючей хвоей в лицо еловых веток. Недавняя стычка все никак не выходила у неё из головы. Рейнеке с Лоренцо – больше они сцепится не пытались, вроде. Просто делали вид, что другого здесь нет. Добром это не кончится – не нужно быть таким уж душеведом, чтобы понять это. И что теперь делать? – рывок и резкий звук раздираемой ткани оторвал её от этих мыслей. Подол длинной домотканной юбки зацепился за корень. Старая выцветшая ткань треснула и разошлась.

– И что же теперь делать? – прошептала она больше своим мыслям.

– Да обрежь ты её, – небрежно бросила в ответ стоящая неподалёку Магда, – как все здесь на ладонь. А то никаких ниток не хватит...

– Неприлично, – машинально ответила та, – люди подумают...

– Да тьфу на них – ответила Магда сердито – они много чего подумают и скажут, вот в город придём. Подробно и в красках, хорошо хоть шёпотом и за спиной. В глаза – то им страшно. А вот за глаза... Почему-то горожане всегда точно знают, где мы, когда и с кем. Хотя чья бы корова мычала...

– Как же так... – прошептала Анна ещё раз, вставая на ноги.

– Ну и наплюй. В глаза сказать все равно побоятся. – сказала Магда, но Анна её уже не услышала. Ноги сами занесли её вперёд, в лес. Чёрные ветви плясали у девушки перед глазами в такт невесёлым мыслям. Что же делать теперь... Она вначале и не заметила, как лес перед глазами поредел. Впереди, между голыми ветвями подлеска черной громадой высилась нечто – чёрная громада в неярком закатном свете. Замок? Город? – Анна пригляделась и поняла, что видит высокий шпиль колокольни. Может это тот самый Мюльберг, о котором все говорят у костров? Но до него, говорили, ещё пара дней пути. Вроде. Или что-то другое? А если город – тут Анна подобралась и начала протискиваться сквозь ветви уже решительнее. Бросить все, найти работу и забыть как страшный сон этот зимний марш. Правда, – подумала она, уворачиваясь от длинной и тяжёлой ветки, – жизнь в городе – ещё одна вариация на тему господина трактирщика. Но и здесь оставаться нельзя – или юный Рейнеке придёт требовать то, что приписала ему молва, или они с Лоренцо просто поубивают друг друга... Что ее пугает больше – но эту мысль Анна додумать не успела – стена ветвей разорвалась и чёрная громада предстала перед её глазами.

Это и впрямь был город, но какой – при его виде сердце пропустило удар, а руки до боли стиснули еловую ветку. Над собором возносились в небо башни колоколен – но на их верху не сияли кресты, лишь скалила чёрную пасть пустая звонница. Кольцо мощных стен – но их

щит был пробит в трёх местах и россыпь камней отмечала место, где были мост и ворота. И ни дыма из труб, ни огонька в окнах. Холодный ветер, разогнавшись по пустому полю, ударил Анну в лицо, закружил перед глазами метель, заставил поёжиться. За спиной заскрипел снег. Раз, другой. Треснула ветка под тяжёлыми сапогами. Анна обернулась – из леса выходил муж Магды, горбоносый мушкетёр Ганс. Высокий, прямой, неизменный мушкет на плече. Лицо – сердце Анны пропустило ещё удар – ничего не выражало. Его взгляд скользнул по Анне – равнодушно, не видя. Будто душа его где-то не здесь – отошла погулять на минутку.

– Иди назад, – коротко бросил он ей.

– А... А Вы куда? – спросила она, гадая как в груди хватило воздуха на три простых слова.

Ей почудилось или ветер в ушах сложился в одно короткое слово

– Домой. – Мушкетёр повернулся и ушёл – вперёд, на равнину, к мёртвому городу. Анна застыла на миг, провожая взглядом его высокую прямую фигуру. Холодный ветер ударил ещё раз, пробежал острыми когтями по хребту. Девушка поёжилась и повернула назад – к свету костров и теплу обозных палаток.

«Куда это он? И что же случилось с городом?» – думала она, раздвигая на пути тяжёлые еловые ветви.

2—6

разговор под прицелом

– И что же случилось с городом? – задумчиво бросил маленький шевалье, рассеянно касаясь рукой мочки уха. Перед ним стояла та же, что и перед Анной, картина – мёртвая груда камней в неярком свете заката. Офицеры роты молча смотрели на неё, стоя у костра, весело трещащего искрами. Они стояли на холме, поодаль от скучившегося у лесной опушки лагеря. Это было неправильно, но – мёртвый город невольно притягивал и мысли, и взгляды. Трещал огонь. Искры и языки пламени влетали в небо. Еловые ветви шептались под ветром о чем-то своём, неодобрительно косясь сверху вниз, на весёлое пламя.

Закутанный в плащ шевалье постоял, потербил мочку уха и задумчиво повторил;

– Что же случилось с городом?

– Мы, – ответ прозвучал сухо, почти буднично. Шевалье обернулся – Капитан Яков Лесли смотрел на огонь, губы его шевелились. Француз удивлённо поднял бровь – не понял ответа. Яков поворошил палкой угли в костре и повторил. Его голос звучал глухо и размеренно.

– С городом случились мы. Я, мастер – сержант...

– Вас с нами не было тогда, капитан. – Вставил тот, покачав головой.

– Какая разница. Я, сержант, маршал Тилли, король Гюстав-Адольф. Война. Осада, штурм, потом пожар... и все, что к этим делам обычно прилагается. Магдебург выгорел дотла. И не восстал с тех пор. Давно дело было.

– Вы участвовали в том штурме, капитан?

– Нет, но какая разница. Сержант там точно был, Магда наша, как слышал, была – влезла в город чуть ли не обогнав штурмовую колонну. Ганс ... – на этих словах капитан огляделся, задумчиво почесав подбородок. – Кстати, а где он?

– А вот не знаю, – неторопливо проговорил сержант со своего места поодаль. – не знаю. Пропал он.

– Как пропал? Найти, – бросил Яков раздражённо – дневной марш был тяжёл. Старый вояка в ответ лишь зло сверкнул глазами и не двинулся с места

– А вот не пойду, господин капитан. Сам не пойду, и людей не пошлю. Говорил же я – не надо сюда, ходить, ой не надо. Ганс же местный, из этого города, вы что не знали?

– Не знал... – капитанский голос чуть дрогнул, сменился тон – с раздражённого на виноватый.

– И что теперь? – это француз вставил недоумевающую реплику.

– Теперь – ждать. – пояснил капитан. – если Ганс в разуме – то он вернётся. Если нет... – капитан невольно посмотрел вперёд, туда где чернели вдали мёртвые башни. Казалось, и город смотрит на них – беспросветной холодной тьмой мушкетного дула.

– Сидеть здесь из-за какого-то... – подал голос второй француз. Капитан оборвал его:

– В свое время Ганс застрелил генерала Намюра перед строем.

Все замерли... Яков машинально смерил расстояние до башен вдали. Сержант с места проследил его взгляд, оскалился, хмыкнул в бороду и подтвердил :

– Добьёт, герр капитан. Даже не сомневайтесь.

Рука Якова машинально скользнула вверх, к сердцу – инстинктивный защитный жест. Нелепый сейчас... пальцы укололись о что-то колючее. Офицерский шарф, выцветший и полинявший. Позолота почти сошла, но то, что осталось – давало хороший отблеск в предательском свете.

– Сняли бы вы его, капитан, – Яков оглянулся на сержанта – старый волк сидел чуть поодаль, в тени. И точно посередине, между двумя шевалье. «Умно. – скользнула холодная мысль. – первый выстрел – всегда командиру. То есть самому пёстроу. Или одному из французов – а они стоят как ни в чем не бывало. Ещё не поняли ничего, или храбры до безумия. То ли...» – тут позолота шарфа опять уколола руку.

– Снимите его, капитан, – повторил сержант, чуть отодвигаясь ещё глубже в тень. Впереди, на равнине Яков поймал взглядом какое-то движение. Сердце не успело ни испугаться ни надеяться – глаз разглядел широкую юбку и длинные светлые волосы... По равнине шла Магда, мушкетёрская жена. Одна. «Куда она собралась? Впрочем, понятно.»

– Капитан...

– Я не для того этот шарф десять лет зарабатывал, – отрезал Яков и шагнул вперёд. Первый шаг дался тяжело, второй – чуть легче. Мёртвый город смотрел на него сверху вниз холодными пустыми глазами звонниц и выбитых окон. Скрипел под ногами серый слежавшийся снег. Картинки из памяти плясали в голове. Годы назад – вот бешеный Мероде вылетает на полном скаку из седла. Вот атака крылатых гусар, едва не стоптавшая роту – ревущая стальная волна, разлетевшаяся на брызги под точными выстрелами тяжёлого мушкета.

– Ганс, олух, куда тебя черти понесли? – бурчал капитан, гадая про себя – какая из груд камней впереди была когда-то домом угрюмому мушкетёру.

2—7

СЛЕДЫ И СОМНЕНИЯ

– Да что они все, с ума посходили? – думала Анна, растерянно оглядывая деловито шумящий вокруг лагерь. Горели костры, свивая жёлтые языки пламени под капральскими котелками, Солдаты бродили туда и сюда – тёмные тени на ярко-рыжем, огненном фоне. От ближнего костра доносились стук ложек по котелку, капральский рык и добродушные ругательства.

– Нет, ну совсем сошли с ума, – повторила она, растерянно оглядывая всю эту суету. Положительно, чудеса шли сегодня сплошным потоком. Вначале Ганс убрёл куда-то – тут она невольно поёжилась, вспомнив как скрипел снег под его сапогами – потом Магда. Вернувшись в лагерь Анна, по извечному женскому любопытству, спросила у той, куда это её муж намылился на ночь глядя.

– В патруль послали, – рассеянно бросила Магда в ответ. Уверенным голосом, но вот глаза её... Магдин взгляд заметался, не находя себе места. Потом руки – её руки зачем-то сунулись поправлять косынку на голове. Светлые пряди вырвались из-под тяжёлой ткани, рассыпались в беспорядке по плечам.

– Ой, А мой-то, дурак шапку забыл. Пойду отнесу, простудится, – проговорила она вдруг. Развернулась, подобрала юбку и решительно зашагала прочь от лагеря, в лес, в темноту под сердито шумевшими на ветру разлапистыми елями.

Анна увязалась за ней. По привычке – она всегда старалась держаться к Магде поближе или... Анна не успела понять. У кромки леса Магда внезапно развернулась, посмотрела на Анну ещё раз и прошептала:

– ой, дура я... теперь и я шапку забыла. Эту чёртову... —

Она посмотрела на недоумевающую Анну – внимательно, будто впервые увидела и добавила – она в лагере лежит. Вернись за ней, пожалуйста?

Анна машинально кивнула. Магда подобрала юбки и ушла в лес, не дожидаясь ответа.

Ничего не понявшая в этой сцене Анна побрела назад. Долговязый Майер на часах лишь лениво махнул рукой. Вот и их повозка. Анна влезла в неё, рассеянно перебирая разбросанные как попало вещи – «странно, обычно у Магды тут порядок» – думала она, раскладывая по местам нехитрое солдатское барахло. Внезапно её ладонь наткнулась на что-то мягкое и пушистое – та самая забытая шапка. Старая, местами протёршаяся до голой кожи. «Стоило ли из-за неё огород городить» – подумала Анна, выбираясь наружу. От лагеря вкусно пахло дымом и варевом котелков. Гнулись под ветром могучие ели. Солнце почти зашло, густые тени затянули опушку. Идти туда сейчас – было безумием. Безумием и глупостью. Но об этом Анна успела сообразить, лишь когда ноги занесли её под лесные кроны. Деревья качнулись, на девушку мелкой крошкой посыпался снег «Почему так колотится сердце?». Внезапно она успокоилась – как-то вдруг и сразу. Старое, знакомое ещё по деревенскому дому чувство – чей-то взгляд сквозь тьму. Добрый и ласковый... Как и тогда, дома перед визитом господина трактирщика. Она обернулась – и, как и в прошлый раз, не увидела никого. Лишь ветер гнул ветки, да невеликая пичужка вспорхнула, захлопав крыльями, из ветвей. Взгляд был здесь –

не приближался и не отдалялся, он просто был. «Милый ангел, – прошептала она, улыбнувшись, подобрала юбки и зашагала быстрее, стремясь догнать ушедшую далеко вперёд подругу.

Магду она догнала уже на поле, перед самой городской стеной. Догнала, окликнула. Та обернулась – тень грустной улыбки скользнула по её тонкому лицу – и сказала:

– Я думала, тебе хватит ума не вернуться. ... – с этими словами она огляделась на чернеющий лес и на нависшую над ними каменную громаду, вздохнула и добавила:

– Ладно, назад теперь опаснее. Пошли, чего уж там...

– Вы что здесь делаете? – пригвоздил их к земле резкий окрик. Анна обернулась.

К ним шёл капитан Лесли – прямо, держа руки на поясе, рядом с оружием.

– Мой муж, мне и искать – огрызнулась Магда.

«Нашли время ругаться», – подумала Анна про себя. Они подошли уже к самой стене. Город нависал над ними – тёмной, бесформенной грудой, увенчанной двумя острыми клыками – собор, потерявший кресты. То, что было раньше аркой ворот – иззубренное каменное полукружие – лежало неровной грудой прямо перед ними. Холодом и сыростью пахнуло в лицо.

– Пошли уж, чего стоять, – окликнула её Магда, и шагнула прямо вперёд, задумчиво разглядывая камни вокруг.

– Вот где-то здесь мы тогда и вломились, – прошептала она, стоя под аркой. Анна шагнула за ней и споткнулась. Белый камень под ногой. Чёткие, резные линии. Статуя, упавшая в снег – должно быть, выбило взрывом из ниши над аркой. Хранила город. Не сохранила. Анна вздрогнула, подобрала юбки и поспешила догнать ушедших вперёд. Знакомый, тёплый взгляд вновь скользнул по лицу. Впереди чернели фигуры капитана и Магды – у той шапка сползла с головы, светлые волосы рассыпались по плечам в беспорядке. «Ты уж и за ними пригляди тоже, хорошо?» – прошептала она, выходя из ворот. Собор стоял недвижимо, остальное лежало руинами – кашей камней, обгорелых брёвен и снега.

– Здесь. Вроде бы здесь, – прошептала Магда над одной из ям – глубоким, занесённым снегом провалом.

– Здесь – что? – прошептала Анна, но ни Магда ни капитан её не услышали. Лесли настороженно оглядывал руины – будто пытался прочесть что-то в узоре звериных следов на снегу. Собор – две массивные громады чёрного в закатных отблесках камня – нависал над их головами. Пустые звонницы, розетка над воротами – багровый и красный отблеск пробежал по цветному стеклу, и Анна с изумлением поняла, что витраж на ней уцелел. Каким чудом? Девушка сделала пару шагов вперёд – рассмотреть поближе. И вздрогнула, услышав размеренный голос из-за спины

– Не ходи туда.

Она обернулась. Заплясали тени в глазах. Ганс Флайберг, горбоносый высокий мушкетёр шагнул из руин им навстречу. Магда – шапка совсем слетела с её головы – опрометью кинулась к нему. Капитан, чуть промедлив, тоже шагнул вперёд, лицо напряжено, руки – заметила

Анна – на поясе, рядом с оружием. Но угрюмый стрелок только обнял жену, махнул свободной рукой капитану и бросил пару слов – ровно, будто и не ходил никуда:

– Капитан, в соборе трупы. Свежие. Много. Кто-то здесь есть. – лицо его ничего не выражало – как и всегда.

Яков в ответ лишь кивнул, развернулся – его взгляд настороженно пробежал по камням вокруг. Руки легли на рукояти шпаги и пистолета за поясом.

– Люди или звери? – отрывисто бросил он.

– Не поймёшь. Следы странные. Вроде ... – Ганс мягко отстранил жену, перехватил мушкет наизготовку. Его серые глаза увидели что-то в развалинах.

– Отведём женщин назад и вернёмся.

в ответ Ганс лишь кивнул. Люди развернулись и пошли назад – капитан и стрелок по бокам, женщины в середине.

– Ты куда ходил то? – спросила мужа Магда, когда они подходили к воротам.

– Домой, – кратко ответил горбоносый стрелок. Анна поняла, что он имел в виду – занесённый снегом чёрный провал и содрогнулась.

У кромки леса их окликнул патруль – четверо солдат роты с капралом.

– Свои, – махнул им рукой капитан. Ганс внезапно развернулся – обратно в чёрное поле. Поднял ствол. Приклад – в плечо, дуло мушкета ловило на прицел что-то видное лишь ему одному в неверном закатном свете.

– Шевелится что-то... – прошептал он. Взлетела, истошно захлопав крыльями полевая птица. Анна пригляделась – но ничего не увидела позади, на занесённом снегом поле. Стрелок пару секунд помедлил, потом вдруг усмехнулся чему-то невидимому и опустил ствол к ноге.

– Извините, капитан. Почудилось что-то, – бросил он, посмотрев почему-то на Анну. С улыбкой, как ей показалось.

2—8 засада

В стенах собора плескались тени – величественные готические арки тянулись ввысь, серая утренняя хмарь кутала в полумрак боковые нефы, ниши и укромные углы, пряталась наверху, под острыми углами сводчатой крыши. Утреннее, тусклое солнце с трудом пробиваясь сквозь высокие окна, освещало огромный заброшенный храм. Лучи скользили вниз, на огромный чёрный крест, строгий алтарь белого камня, статуи вокруг. Белокаменная дева с младенцем на руках смотрела на людей строго, с холодным сочувствием. Чёткие резные черты. Капитан Лесли вздрогнул и подумал, что ему вовсе не хочется опускать глаза от её лица вниз, туда, куда смотрела Дева. То, что лежало у её ног, на мраморных, отполированных тысячами ног плитах лучше всего описывалось словами «кровавое месиво».

Осматривать собор вызвали охотников. Пошли сам Яков, оба француза, пара сорвиголов из солдат, да мушкетер Ганс – этот так никому и не сказал, куда и зачем ходил под вечер. Никто, по-хорошему, и не спрашивал. Ещё просился юнкер Рейнеке, но его капитан приказом оставил на хозяйстве – нечего сопляку на такое смотреть. «Успеет ещё наглядеться», – хмуро думал Яков, внимательно рассматривая разбросанные в беспорядке тела. Человек десять, не военные. Куда-то шли, зашли в собор, надеясь, что стены, пережившие пятнадцать лет назад великий штурм помогут им пережить одну ночь под их кровом. Не помогли. Два, три, может четыре дня назад – глаз у капитана за войну стал на такие штуки намётанный. Что-то вошло и убило их. Один из французов присел над телом, пригляделся и уверенно сказал:

– Волки, mon Dieu, клянусь богом. Зубищи ещё те. Завёлся у меня как-то такой людоед в лесу...

Капитан тоже пригляделся к одному из покойников – горла практически нет, вырвано. Рана страшная и нанесена явно не сталью. Присел, поворошил одежду, зло хмыкнул и сказал, медленно роняя слова:

– Волки, говорите? Как насчёт небольшой охоты, шевалье?

– Вы уверены, что это разумно? – задал вопрос младший из французов, задумчиво вглядываясь в темноту под резными колоннами свода.

– У меня приказ, господа. Охрана дорог, защита коммерции и всё такое. Этот инцидент тоже под него попадает, не правда ли? – ответил ему капитан. Стрелок Ганс при этих словах лишь хмуро усмехнулся. Француз не ответил, его тонкие пальцы задумчиво теребили мочку уха. Паузу прервал один из солдат, доложивший, что у бокового входа найдены следы. «Очень странные, клянусь богом».

– Если и волк, то огромный, – сказал шевалье медленно рассматривая цепочку следов на снегу. Она шла от собора вдаль, в паутину бывших переулков. Огромные, похожие... не понять, что за зверь их оставил, но когти у него были впечатляющие.

– И ходит на задних лапах.

Капитан не ответил, лишь пригляделся пристальнее и показал пальцами на две полосы между отпечатками.

Шевалье тоже разглядел странный след, кивнул:

– Будто тащили что-то?

– Давайте посмотрим, – подвёл итог капитан и, не дожидаясь возражений, шагнул вперёд.

Снега в переулке намело изрядно. Люди шли медленно, гуськом, с трудом пробивая себе дорогу. Чем дальше, тем теснее стояли дома. Здесь они казались целыми – двухэтажные, ладные, лишь в окнах – чернота и мрак вместо тёплого света. Камень выдержал, но все остальное пало и лежало прахом. Небо над головами заволокло серой пеленой, ветер взвыл, бросив на людей с высоты заряд снежной крошки.

– Погода портится, – прошептал кто-то. Яков остановился, посмотрел на небо. Серая хмарь на глазах наливалась тьмой. Ветер крепчал, гоняя по улице ледяные нити поземки. «Плохо. Следы заметет...» – мысль в голове родилась и умерла на полужизне. По ушам ударил вой – тоскливый переливчатый вой прокатился, отражаясь глухим эхом, от стен переулка. Потом ещё – протяжный, ввинчивающийся в уши звук. Люди замерли, судорожно оглядываясь на чёрные окна. Капитан выхватил пистолет – глухо стукнул курок под пальцем. Вой ударил в третий раз – будто пробежал холодными пальцами по хребту капитана.

– Что за... – проговорил, замерев, гигант ДеБрасье. Порыв ветра ударил в лицо, сорвал слова с губ, унес прочь, скомкал. И тут из серой хмари впереди на замерших людей кинулось нечто.

Высокие, нескладные, какие-то неправильные фигуры. Оскаленные лица – лица или морды, не поймёшь, лишь кривые клыки нечеловечески щерятся. Завидев людей твари взревели и кинулись вперёд, рыча и размахивая дикарским оружием.

«Слишком быстро для человека», – успел подумать Яков. Мушкетёр Ганс вскинул мушкет. Солдат впереди сложился и упал – набегавшая тварь просто смела его. Следующим в цепочке людей стоял старший из французов – гигант ДеБрасье. Но он лишь застыл, беспомощно глядя на набегавших. Пальцы судорожно сжали ложе ружья. Резкий запах ударил в нос.

– Господи, помилуй, – прошептал шевалье, увидев желтые кривые когти на тянущихся к нему звериных лапах.

Мушкетный выстрел ударил громом. Тварь опрокинулась, полетела назад, рухнув мешком под ноги замершего человека. Кровь, толчками вырывавшаяся из раны на груди, была красная, человеческая. Её вид вывел француза из ступора. Шевалье перехватил ружье за ствол, взревел, мстя за пережитый страх и обрушил приклад на голову следующей твари.

Схватка была короткой. Короткой и яростной. Две твари кинулись на капитана. Первую Яков встретил пистолетным выстрелом в грудь, вторую шпагой. Тварь, рыча, взмахнула дубиной, капитан уклонился, ударил в ответ – тяжёлый пехотный клинок отсек твари когтистую лапу. Ещё одна обошла дерущихся и кинулась на младшего француза. Эрбле встретил её ударом рапиры – один короткий и точный выпад. Холодная сталь вошла в сердце. Остальные солдаты вскинули ружья, но зря, поздно – все закончилось уже. Только гигант де Брасье оторопело глядел то на тело у ног, лежащее со снесенной нацело головой, то на приклад ружья, треснувшего напрочь от силы удара.

– Хорошее ружье. Было, – меланхолично заметил стрелок Ганс, перезаряжая еще дымящийся мушкет. Шомполом стрелок работал чётко, как на учениях.

Капитан присел над одной из поверженных тварей – той, что попала под выстрел его пистолета. Потянул руку к оскаленной морде. Кривые клыки несуразно торчали вверх. Схватил за нос, потянул – затрещали ляжки, личина оторвалась – грубо сшитая из шкуры маска. Под ней было лицо – человеческое, искажённое болью лицо.

– Issand halasta... Ема* – прошептали тонкие бескровные губы. И затихли, лишь струйка крови потекла с тонких губ вниз.

(*господи помилуй – если верить гуглу, то это эстонский)

Яков поворошил у трупа одежду на груди. То есть груды разномастных шкур, спасавшую нападавших от холода. Под ней обнаружилась ткань – камзол, рваный и донельзя заношенный, но форменный камзол.

– Жёлтый, я так и думал, – удовлетворенно хмыкнул Яков.

– Вы знали? – бросил ему вопрос аббат Эрбле. Маленький француз стоял у него за плечом, внимательно наблюдая за осмотром. Капитан не ответил, задумчиво разглядывая перчатку трупа – меховую, с нашитыми на неё когтями

– Вы знали? С самого начала? – повторил свой вопрос шевалье.

– Волки могут вырвать глотку, аббат, но карманы они не выворачивают и кошельки не срезают. В церкви с трупов подмели все. Уж поверьте ветерану этой войны – грабили покойников со знанием дела. И ещё следы. Это лыжи, я видел такие штуки, когда служил в шведской армии. Форма на них финской бригады да и язык – похоже я уже слышал его, на шведской службе. Сбежали или просто отстали на марше – бог знает теперь. Немецкого не знали, к крестьянам сунуться побоялись. Так и сидели тут, бог знает сколько лет. Совсем одичали, судя по виду. Вот так-то, господин д'Эрбле. А рассказать кому – сказка получится, вроде тех, что вы любите.

Шевалье не ответил, лишь отвернулся и задумчиво посмотрел вдаль, в темноту переулка. Капитан, поднялся на ноги, оглядел отряд – сбитый с ног в начале схватки солдат уже поднялся и стоял в стороне, баюкая раненную руку. «Все на месте, потерь нет», – подумал про себя Яков, огляделся ещё раз и скомандовал:

– Ладно, парни. Пойдёмте, поищем их лёжку.

– Зачем? – вежливо удивился француз.

– Увидим, – неопределённо ответил капитан, уводя маленький отряд дальше, вглубь переулков.

2—9

загадки

Искомую лёжку – подвал в полуразрушенном доме нашли быстро, благо ветер стих, и не успел занести следы.

Внутри было жарко натоплено, воняло – хоть святых выноси. Впрочем, святых здесь и так не было, только валялись в беспорядке звериные шкуры да человеческое, награбленное добро. Де Брасье брезгливо поворошил эту кашу носком гигантского сапога, поморщился и спросил, брезгливо поджимая губы:

– И что мы здесь ищем, господа?

– Вот это, – капитан ударил каблуком в стену. Посыпалась крошка, пара кирпичей выпала. Внутри была ниша, а в ней – сундук. Небольшой, но тяжелый – двое солдат с трудом вытащили его на свет. Ганс ударом приклада снес с петель ржавый замок. Крышка открылась, тускло сверкнуло потемневшее от времени серебро.

– Выходит, эти чудаки не совсем одичали, – присвистнул капитан, придержал крышку и продолжил, обернувшись к обоим французам – надеюсь, господа, вы на это не претендуете?

Аббат Эрбле отрицательно качнул головой. Капитан закрыл крышку обратно искомандовал:

– Ладно, взяли и понесли. Пошли, обрадуем нашего сержанта. А то он все за Мюльберг беспокоится...

Якову внезапно вспомнился давний спор с сержантом на стоянке. Идти роте дальше через веселый Мюльберг или обойти стороной. Капитан хотел обойти, благо его от Мюльберга воротило, но теперь... Теперь, получается, причин делать крюк, ночевать в снегу и морить людей холодом нет. «Пусть завтрашний день сам позаботится о себе. Вот он, получается, и позаботился, покинул денег. Рядовому Майеру на пропой христианской души. И не только пропой. Странными путями порой ходит помощь господа нашего». Яков встряхнулся, оборвал еретическую по сути мысль, извинился перед Господом и пошел – дела не ждали. С небес посыпался серый, мелкий как мука снег, замечая следы на кривых улицах города – будто и не было здесь людей никогда.

– А что это за Мюльберг такой? – прервал его невесёлые мысли вопросом ДеБрасье

– Весёлый город, сами увидите, шевалье. Недолго уже, два дня максимум. А, может и меньше – туда все как на крыльях летят. – ответил капитан и махнул рукой своим – уходим. Пора домой.

Когда мертвый город остался позади, на поле, у самой опушки шелестящего леса, оба француза чуть отстали от остальных. Им надо было поговорить, что они и делали – вполголоса, тихо. Впрочем, холодный ветер уносил слова вдаль, и насчёт лишних ушей можно было не беспокоиться.

– Нет. Сказать кому – не поверят, – горячо втолковывал своему другу ДеБрасье. – Да и сам я – признаюсь честно, друг мой, я лучше буду рассказывать о волках, оборотнях и адском пекле, чем о том что я испугался каких-то дезертиров.

– Я тоже, – вполголоса ответил другу маленький аббат, – да и все испугались. Благослови бог этого стрелка. Похоже, у него вообще нет нервов.

– Что да, то да – подтвердил ДеБрасье, поглядев на ушедших вперёд людей капитана, – не хотел бы я стоять против него в поле.

– Сейчас мир, – рассеянно проговорил Эрбле, обернувшись назад, к мёртвому городу. Ветер попытался сорвать с него шляпу, но безуспешно – француз придержал её рукой, рассеянно разглядывая унылый пейзаж позади.

– Что, друг мой, жалеете? – спросил его вдруг ДеБрасье.

– О чем?

– Очередная сказка оказалась ложью.

На этих словах маленький аббат выругался с неожиданной яростью:

– Merde, а кто это был тогда, шевалье, я Вас спрашиваю? Только не рассказывайте мне, что это человеческая глотка. Да и не волчья... И потом, – добавил он уже спокойнее, – эти дезертиры. Вы ничего в них странного не заметили?

– А что в них было не странного, друг мой? Ну, кроме того, что они нас атаковали.

– Если бы они нас атаковали, мы бы не выжили. Они бежали, шевалье. Бежали со всех ног. Что-то выгнало их на нас, как хороший пёс выгоняет дичь на охотника. Знать бы что или кто...

Эрбле обернулся ещё раз, внимательно посмотрел назад – на поле и мёртвый город вдали. Порыв ветра налетел, загнул вверх поля его широкополой шляпы. Шевалье придержал ее рукой, оглядел еще раз поле. И медленно произнёс:

– Знаете, друг мой, наш капитан так рьяно разоблачает фальшивые чудеса, что порой мне кажется, что он прячет настоящее.

ДеБрасье тоже обернулся на эти слова, посмотрел назад – и ничего не увидел. Только взлетела, захлопав крыльями мелкая полевая птица.

А в лесу – совсем недалеко от костров, у опушки Анна, собиравшая вместе с товарками хворост, вдруг почувствовала знакомый взгляд. Тёплый и ласковый. Правда на этот раз он прошёл вскользь, будто «милый ангел» куда-то торопился. Она обернулась и увидела бредущих по лесу людей – капитан Лесли, Ганс и прочие возвращались в лагерь.

– Сворачиваемся, – услышала Анна издали капитанский крик. – Пора уходить отсюда.

«Спасибо, милый ангел», – прошептала она и вернулась к работе.

«Вот послал господь бог недотёпу», – от всей души выругался оставшийся в лагере сержант, в очередной раз не найдя Рейнеке-юнкера на положенном ему уставом месте.

Глава 3

Веселый город

3—1

конец пути

– Ну, вот и дошли, – проговорил устало капитан Яков Лесли, увидев тонкие струйки дыма на горизонте.

День выпал ясный, солнце светило вовсю, со всей силой, скупно отмеренной ему для зимнего дня. Вокруг была равнина, безлесная, гладкая, искрящаяся льдом и снегом на белом свету. Такая же как и вчера, как и неделю назад, и только струйки дыма, тонкие полосы, отвесно встающие в синее небо из какой-то, ещё невидимой, точки за горизонтом, словно говорили: «Дошли».

– И двух дней не понадобилось, – оскалился старый сержант, растирая покрасневшие на морозе руки.

Проговорил, и ещё раз оскалил зубы в довольной усмешке. Старому вояке было чему радоваться. Рота покинула мёртвый город вчера утром и, на радостях, выдала такой бодрый марш, что пролетела за сутки путь, на который обычно отводилось два дня. Никто не отстал и не сбил ноги, ни одна повозка не застряла и не сломала ось. Колонна, хрипя под барабан одну матерную песню за другой летела, словно на крыльях. Было куда. Впереди дымил трубами город – живой, манящий промёрзших людей светом, теплом очагов и обещанием отдыха.

– Дошли, – повторил капитан, глядя, как вырастают вдали кирпичные стены, приземистые квадратные башни, кресты на шпилях церквей. Дым от сотен печей, струйками поднимался вверх, в синее небо. Подул ветер, на роту пахнуло запахом – пряным, сводящим с ума запахом хлеба и человеческого жилья. «Как же мне надоел холод», – подумал капитан и натянул колкий офицерский шарф выше на горло.

– Известно дело, капитан. Мюльберг-место такое. Туда все, как на крыльях летят. Вот обратно – ползком, как правило.

– Кстати, капитан, вы нам так и не рассказали, что это за город такой? – вежливо вклинился в разговор один из французов – маленький аббат стоял рядом, стараясь спрятать лицо от ветра в воротник плаща.

– Как какой, весёлый, – с похабной ухмылкой пояснил сержант, удивляясь, как кто-то может не знать такие вещи.

Капитан вдруг развернулся и показал рукой на чёрную точку вдали, за их спинами:

– Что там, аббат?

– Похоже на деревню... или кладбище ... – неуверенно ответил Эрбле

– Правильно, деревня. Соженная. Как и все прочие на этой равнине. Немудрено. Долина Эльбы, основная дорога связывающая север империи с югом. Тут ходил генерал Мандесфельд, тут прошёл старый Тилли, великий Валленштейн, не к ночи будь помянут. Потом Северный Лев, я, сержант, наша Магда. Да все, кто был на этой войне. Даже ваш маршал Тюррен добрался, хоть отсюда до Франции и далеко. Всю местность вокруг армии выжгли и подмели, как метлой. Хорошо хоть, мы её поперек пересекаем, а не вдоль. Вот тогда бы вы, шевалье,

поняли, что такое настоящий марш по выжженной земле. И точно посередине – город Мюльберг. Живой, не сожжённый и не разграбленный. Живёт и процветает. Как вы думаете, почему?

– Стены крепкие?

– Нет, – ответил капитан, пряча улыбку, – Это не Штальзунд. Стены им еще Мандесфельд взорвал.

– Вы были при Штальзунде, капитан? – влез в разговор сержант. Брови его взлетели в неподдельном изумлении. Капитан лишь усмехнулся и пожал плечами:

– Моё первое дело. Только приехал на континент. А вы, сержант?

– Тоже, герр капитан. Стояли под стенами, мокли да ждали – что кончится раньше: терпение у бога или солдаты у маршала.

ДЭрбле недовольно поморщился и короткой фразой вернул разговор в прежнее русло:

– Судя по тому, что вы, сержант, живы, а маршал Валленштейн – нет, божественное терпение не безгранично. Но вы отвлеклись, господа. Так чем же знаменит этот славный город, в который мы сейчас направляемся?

Французу ответил сержант – одной длинной, заковыристой и совсем непечатной фразой.

– Бабами, шевалье, бабами. Ну и вином ещё, но это не наш случай – те, кто шли до нас уже, наверное все выпили. А вот весёлых домов здесь больше чем где-нибудь ещё. Да и честные горожанки стараются не отставать. В общем, все к услугам усталого солдата, особенно если он с деньгами. Ну как мы сейчас. Одним словом, весёлый город, шевалье. Особенно весело будет собирать людей по кабакам и борделям, когда пойдём дальше. Впрочем, это ещё не сейчас. А пока – размещаемся, отогреваемся, пропиваем добытые деньги.

– Забавно, – задумчиво проговорил маленький аббат, внимательно рассматривая вырастающие на глазах стены и башни.

Его спутник зло усмехнулся в усы и спросил:

– И что, защищаться ни разу не пытались? Мужчины в этом Мюльберге вообще есть?

Старый сержант парой кратких, но весьма образных фраз объяснил ему – где, конкретно, пересидели всю войну Мюльбергские мужики и почему их там никто не ищет.

Примерно тоже самое, правда в несколько более цветистых выражениях объясняла изрядно замерзшей Анне Магда, солдатская жена. Объясняла долго, тщательно, искусно сплетая во фразы соленые слова. Их повозка немилосердно тряслась на корнях и ухабах. Магда правила лошадьми, твердо держа в покрасневших на морозе руках поводья, Анна, спрятав в старое одеяло курносый нос бездумно сидела на козлах рядом, глядя, как вырастают на глазах городские стены – стены, а за ними дома, острые шпили церквей и башен, золотые кресты, летящие ввысь дымки печей и каминов, мерцающие тёплым светом узкие окна. Холодный зимний ветер ударил в спину, будто на прощание привет передал. В одном из окон впереди приглашающе

мигнул красным светом фонарь. Анна лишь завернулась плотнее и прикрыла рукой почему-то слезящиеся глаза. Идея незаметно сбежать от лагерной жизни подальше почему-то совсем перестала ей нравиться.

А рота меж тем, всё также бодро печатая шаг дошла почти до самых ворот с широко распахнутыми створками. Перед воротами с бодрым видом стояла городская стража, бдительно спрашивая пропуск у спящих туда-сюда горожан. Де Брасье в голос захохотал, да и остальные офицеры не удержались от улыбки. Было от чего – стена направо от ворот была взорвана и лежала неровной каменной грудой. Как раз на их глазах немалый обоз прошел в город напрямик, в обход бдительной стражи.

– Ладно, господа, размещаемся, – отсмеявшись, бросил капитан, указав на длинные двухэтажные, добротные на вид дома. Квадратом, словно пехотное каре, вне стен справа от дороги.

– Что это? – маленький аббат чуть поморщился, недоверчиво оглядывая ряды краснокирпичных, нежилых на вид строений.

– Честно говоря, забыл как это называется, – вновь оскалив зубы, пояснил капитан, – новомодное изобретение, специальные дома для постоя солдат, дабы не смущать покой мирных обывателей. Кто-то из ваших соотечественников изобрёл*, а наши генералы перенимают. (* вообще-то изобрёл казармы французский министр Кольбер и десятилетием позже)

– Казарма. Хорошая идея, наверное, – всё так же недоверчиво проговорил француз, – но не думаю, что для нас. Приятного отдыха Вам, капитан. А мы остановимся в городе.

Сержант пробурчал под нос что-то невразумительное, о том, что неплохо бы всяким скорым на дурацкие новинки господам французам самим оценить на своей шкуре мудрость их соотечественника. Господа французы предпочли ветерана не расслышать – их парочка отделились от колонны и скорой рысью поскакала к воротам. Солдаты проводили их глазами и свернули направо. Рота втянулась под арку, на мощёный казарменный двор. Ряды сломались, капралы отделений заорали своим «разойдись», с грохотом и лязгом встали, окончив свой марш, тяжёлые повозки. Магда на козлах бросила поводья, подышала, согреваясь, на руки, сказала – на вдохе, одним, коротким: «дошли». Анна спрыгнула, прошла, разминая ноги, пару шагов оглядываясь. Куда же её на этот раз занесла судьба. Капитан окинул взглядом спящий вокруг человеческий муравейник, махнул сержанту рукой и сказал, скаля белые зубы:

– Оставайтесь на хозяйстве, сержант. Я в город, насчёт дров и провианта договариваться. – сказал, и, не дожидаясь ответа, толкнул коня.

Неказистая капитанская лошадь проскакала, цокая копытами, прочь со двора, к приветливо распахнутым городским воротам.

Сержант задумчиво поглядел начальству вслед, почесал бороду, помянул, порядка ради, непечатными выражениями начальство высшее, в низкопоклонстве перед всем западным погрязшее, потом начальство непосредственное, слишком хорошо устроившееся, по вескому сержантскому мнению. Потом набрал воздуха в грудь, помянул ещё раз французские новины, из-за которых порядочные воины вынуждены ютиться на стоянках черт-и-где вместо того, чтобы честно – благородно спать по тёплым домам обывателей, как всякому ветерану известно – именно для того провидением и предназначенных. Пока ветеран ругался, рота

успешно разместились и без него. Сержант кивнул, вполне удовлетворенный увиденным, пробежал взглядом по мощеному казарменному двору и свистнул проходящему мимо солдату:

– Эй, Майер, иди-ка сюда, – долговязый Майер замер на полушаге, развернулся и изобразил всем видом энтузиазм, требуемый уставом при виде начальства. Сержант кивнул и проговорил добродушным, но строгим голосом:

– Передай Гансу, чтобы побыл на хозяйстве. Я в город, – сказал, развернулся и пошёл прочь.

От города казармы отделялись широкой полосой невысоких деревьев и колючего, переплетающегося шипастыми ветвями, кустарника. Очень плохо для обороны, для ловли самовольщиков и дезертиров – наоборот, очень хорошо. Старый сержант даром бы ел свой хлеб, если бы не знал тут наизусть каждую тропку.

Рядовой Ханс Майер побежал было со всех ног передавать сержантское поручение и сходу напоролся на интенсивно собиравшуюся Магду. Та, тоже сходу, развернула Майера обратно, передать сержанту, чтобы не дурил: они с Гансом, де, идут на рынок. Ибо жрать что-то надо, и сержантам в том числе. Договорила, взяла мужа под руку и пошла, оставив рядового стоять с раскрытым на морозе ртом посреди площади. Впрочем, недоумевал рядовой Майер совсем недолго. Почесал в затылке, подсчитал на пальцах количество оставшегося в расположении роты начальства, потом, тоже на пальцах, количество денег в кошельке, присвистнул и аккуратно, стараясь не привлекать лишнего внимания пошёл в сторону города. Напрямик, через кусты. Одну из троп в них он уже который год очень усердно протаптывал.

Прежде чем прапощик Лоренцо сообразил, что из офицеров на хозяйстве остался он один – за рядовым Майером в город сбежали его приятели – рыжий Донахью и испанец Санчес из пикинеров. И ещё человек двадцать из роты.

3—2 размещение

Анна меж тем обустривалась. Слово неточное и совсем для такого случая неподходящее, но для таинства превращения заросшей пылью и грязью клетушки меж четырёх казённых стен в человеческое жильё другое вряд ли подберёшь. Бессмысленный, на первый взгляд, труд, больше, чтобы успокоиться и привести в порядок невесёлые мысли. Как знать, не придётся ли уже в эту ночь бежать со всех ног отсюда. И как знать, успеешь ли добежать. И куда? Но привычная по старой жизни работа грела и гнала дурные мысли прочь с облаками изгоняемой из комнаты пыли. Пройтись по полу тряпкой. Отжать. Прополоскать. Повторить. Хорошо, теперь хотя бы видно, что пол деревянный. Щелей в нем... но лучше не думать о грустном. Лучше взять тряпку в руки и пройти по стенам и нехитрой мебели – двум сундукам да широкой кровати. Ещё немного, и выданную Анне на размещении комнатку в офицерском крыле можно будет признать жилой. С большой натяжкой, конечно. Анна, навалившись всем телом, отодвинула кровать от стены, выгребла мусор – гору пыли и битого стекла, от души пожелала здоровья предыдущему постояльцу и попыталась задвинуть кровать на место. Кривая ножка попала в щель, кровать жалобно закричала всеми досками и застряла. Посреди комнаты, ни туда ни сюда. Анна навалилась ещё раз. Бесполезно. Поднять эту дуру можно было даже не пытаться. Сооружение крепкое, широкое, монументальное, не по девичьим рукам. «Как её только затащили на третий этаж?» – в сердцах думала Анна, наваливаясь всем весом на упрямую мебель. Внезапно кровать скрипнула ещё раз, задрожала и встала на место – легко, как пёрышко.

– А я молодец, – подумала было девушка. И только потом догадалась, что молодец здесь совсем не она. Просто к её силе добавилась другая. Рейнеке НеЛис зашёл. И как она его не заметила?

– Привет, – сказала она, выпрямляясь – быстро, так, что кровь прилила к лицу. Руки её опустились, забегали, расправляя несуществующие складки на юбке.

– Привет, – ответил он и запнулся. Ладонь его левой руки прошлась по рукаву правой, размазывая пыль. Раз, другой.

– Ты... – начал он, так и не подняв глаз и опять замялся на середине фразы. Почему-то Анне показалось это смешным. Она и улыбнулась, невольно. Вдруг парень улыбнулся в ответ и – неожиданно – продолжил:

– А ты что здесь делаешь?

– Как что? Убираюсь. Порядок навожу, – на этих словах Анна машинально огляделась, приглашая парня оценить проделанную работу.

Рейнеке огляделся и увиденное его впечатлило. Явно. Аж до открытого в изумлении рта.

– На размещении комнату выделили, вот и убираюсь, – продолжала Анна меж тем, – спасибо Магде, подсуетилась, а то бы я прохлопала бы все, конечно. Не знаешь, сколько здесь стоим?

– Неделю, наверное, – машинально ответил Рейнеке, – как выбила?

– Да так. Обыкновенно, как у неё водится. Поймала меня на дворе, за плечо ухватила, иди – говорит – твоя комната тебя дожидается. Да спасибо скажи, что выбила. Пришлось, говорит, зубами выгрызать. Надо будет и впрямь спасибо сказать, а то так бы и слонялась по двору. Хотя возиться ещё изрядно, тот, кто до меня здесь стоял – ой и свинья был, прости господи, – прощбетала Анна, не догадываясь что совершает предусмотренное артикулами воинскими преступление. Офицерское, как-никак крыло. Но Рейнеке невольно улыбнулся – широко, простодушно.

Анна сообразила, что несёт что-то не то и вообще – зачем офицеру слушать такие подробности? И спросила:

– А ты зачем зашёл-то?

На этих словах парень сморщил лоб, будто задумался – а зачем же он, собственно, сюда пришёл. Потом лоб разгладился, парень усмехнулся, словно вспомнил таки, и сказал:

– Тебе одеяло лишнее не нужно? А то холод на дворе...

– Спасибо, – а что ещё тут ответить? Тем более и впрямь холод на дворе, и жаровня в углу самая на вид ненадёжная. Тут во дворе закричали. Раз, другой. Анна вздрогнула было, потом разобралась – не тревога, просто ищут кого-то. То есть юнкера – как всегда.

– Я пойду, – сказал парень, поворачиваясь к двери.

– Подожди, – остановила она его. Кричал не капитан, можно было не торопиться. А извазюкался парень, будто по дороге сюда трубочистом где-то поработал. Весь в пыли. Но пара взмахов тряпкой быстро исправили это дело. И, напоследок, хлопнула ладонью по рукаву – пылинку смахнуть. Приведенный в божеский вид юнкер скрылся за дверью, затихли крики на дворе. Анна огляделась. Кровать мирно стояла на месте. А вот пол...

«Я вообще-то здесь убиралась», – вздохнула девушка, взяла швабру и пошла стирать следы сапог с мокрого пола.

** **

На мрачный казарменный двор Рейнеке – юнкер выкатился в настроении самом мечтательном. Задрав в синее небо глаза и рассеянно поглаживая рукав камзола ладонью. И сразу же нарвался на столько раз слышанный вопрос:

– И где тебя носит?

На этот раз, в исполнении прапорщика Лоренцо. Маленький итальянец внезапно обнаружил себя старшим по роте и теперь пытался успеть везде. Судя по сбитой на бок перевязи, потерянной шляпе и дикому взгляду чёрных глаз – получалось у него плохо.

– И где тебя носит? – повторил свой вопрос итальянец, – давай быстрее, ты нужен...

Рейнеке невольно зарычал. Ладно бы капитан или сержант, но этот итальянец явно много себе позволяет. Но тут от угла раздалось *wenn die Landsknecht trinken* в исполнении порядком весёлого голоса, и юнкер отложил гнев на потом. Похоже, он действительно нужен. Капитан

огорчится, найдя по возвращении роту в непотребном виде. Спустя пару часов они с итальянцем таки вспомнили, как расставляются посты, разогнали по казармам буйных. Одним словом, роту в божеский вид привели. Даже пару самовольщиков сумели поймать и вернуть в расположение.

«Слишком тупых или слишком невезучих, чтобы попасться», – проворчал под нос юнкер, переводя дыхание. Ладонь машинально прошлась по рукаву. Опять белому от пыли. «Анна могла и не стараться. Всё равно, пока бегал, сумел измазаться. Жаль,» – подумал он и огляделся.

Взгляд рассеянно пробежал по неприветливым тёмным зданиям, колючим зарослям, городским башням и шпилям вдаль. И упёрся в стоящего рядом Лоренцо. Итальянец уже успел оправить перевязь, нацепить шляпу с пёстрым пером, вытряхнуть плащ. «Даже сапоги успел надраить до блеска, шут гороховый». В городе зазвонили колокола. Итальянец просвистел под нос пару рулад, вторя их песне. Ладонь юнкера ещё раз машинально прошлась по рукаву. Парень шагнул вперёд

– По моему, у нас с Вами осталось незаконченное дело, сударь...

На этих словах итальянец развернулся – мгновенно, с кошачьей грацией, лишь хлопнул тканью отброшенный плащ. Руки легли на пояс, поближе к оружию. Сверкнули на солнце витые эфесы рапиры и даги.

Рейнеке сделал вперёд ещё шаг. Итальянец чуть поклонился – как показалось Рейнеке с лёгкой издёвкой

– Извольте, юноша. Хотя, хотел бы я знать, чем я Вам так насолил...

– А вы не догадываетесь? – Почти прорычал юнкер. Правила обязывали быть вежливым, но так хотелось послать их к чёрту.

– А я должен? – ответил итальянец с улыбкой, Рейнеке чуть его на месте не загрыз. К счастью за углом кто-то из самых тупых нашёл время допеть пьяную песню:

«...Когда пехота любит, не тратит время зря...»

– Заткнись, собака! – Рейнке с итальянцем проорали это хором, на два голоса. Аж сами удивились, до чего слитно это прозвучало.

«.. alles for Kaizer Ferdinand wohl» – то ли пьяный издевался, то ли просто припев допел. Голос затих. Надо было сходить и дать дураку по шее, но, судя по звукам, капралы управились и без них. Рейнеке с итальянцем обернулись и посмотрели опять друг на друга.

– Так чем же я Вам, милостивый государь, так насолил? – спросил итальянец не скрывая издевки.

– Брезахская тюрьма...

– Ах, вот оно что, – итальянец присвистнул, выдав ужасно фальшивую руладу, – наговорили значит. Право же юноша, вас следовало бы прибить только за Ваш щенячий энтузиазм – глядя на вас чувствуешь себя старым. Но есть одна беда: про Вас тоже много чего говорят, – тут итальянец сделал театральную паузу, оглянувшись вокруг и продолжил, понизив голос:

– Например, что куриц вам таскает сам дьявол, которому вы продали душу за наш рыжий трофей.

– Это же неправда... – проговорил юнкер. Ошеломленно – значит ничего не сказать.

– Насчёт князя тьмы, таскающего куриц – разумеется. Но это мне наболтали рядовой Майер и его дружок Донахью. Судя по Вашему удивлённому лицу, это те же типы, что вам про меня байки рассказывали. Судите сами, сколько здесь правды.

– Почему я должен вам верить? – спросил юнкер, ошеломлённый вконец. Просто так сдаваться он не хотел но... Но тут по ушам ударил треск в кустах ежевики.

– Потом договорим, юноша, – проговорил итальянец, поворачиваясь на звук, – сюда кто-то идет.

– И не наш, – добавил юнкер, раздувая ноздри и кладя ладонь на эфес. Поймал вопрошительный взгляд, опустил глаза и добавил, – наши знают тропинки.

Незнакомец же явно ломился через кусты напрямик, без дороги. Трещали ветви, трещал валежник под бегущими ногами. Трещал, оставляя лоскуты на шипах, потрепанный плащ. Человеческая фигура вышла, нет вывалилась на свет и упала прямо на руки итальянцу. Лоренцо осторожно придержал незнакомца – незнакомку, Рейнеке увидел, как выпала из-под капюшона длинная прядь. Лоренцо что-то спросил. Бешеный, захлёбывающийся поток слов в ответ. Слов, от которых кровь стыла в жилах.

– Все будет хорошо. – проговорил итальянец, бережно приглаживая рукой растрёпанные волосы, – все будет хорошо.

– Вот только, что мы капитану скажем?

– Придумаем, что-нибудь, – проговорил юнкер в ответ – медленно, прокатывая желваки на скулах.

Парень поднял глаза. Над городом плыл в синеве небес золотой крест на церковном шпиле.

3—3

самоволка

А по улице города – кривой, по городским меркам широкой, две телеги разъедутся, шёл, неспешно, поглядывая по сторонам, старый сержант. Шагал прямо посреди улицы, твердо ставя ноги на мостовую. Борода его весело торчала вперёд, широкие плечи развёрнуты. Случайным прохожим приходилось прижиматься к стенам, чтобы убраться с его пути. Сержант не обращал на них никакого внимания, лишь изредка достаивая по-отечески добродушным взглядом женский глубокий вырез или особо шаловливую юбку. Таких попадалось немного, и ветеран ворчал под нос о том, что портится всё, даже весёлый Мюльберг и шёл дальше. Взгляд его рассеянно пробежал по фасадам, потемневшим балкам и окнам мансард и высоким двускатным, крашенным под черепицу соломенным крышам. Старый вояка знал, куда шёл. Немудрено, заведение мамы Розы, что у ратуши, знали все. И именно туда сержант и направлялся, заглядываясь по пути на висящие над крышами резные флюгера и на ярко размалёванные вывески. Пьяница верхом на бочке – кабак, три свиньи – не поймешь, то ли тоже кабак, то ли мясная лавка. Впрочем, по военным временам, могли и совместить, но только не в Мюльберге. Интересующее сержанта заведение носило алую розу на фасаде – знак, однозначно указывающий как на имя владелицы, так и на характер работы заведения. По ратушным бумагам дом проходил как городская купальня. Бумаги не ввали – заведение у мадам Розы было в высшей степени приличное, в нем даже ванна была. Правда мало кого она там интересовала.

Вот к такому домику – самому богатому из весёлых и самому весёлому из богатых домов города Мюльберга и шёл старый сержант. Разумеется, не к главному входу – изящному портику под алой розой, и даже не к чёрному, куда днём заносили припасы с рынка, а ночью, случалось, выносили трупы – к одной хорошо спрятанной маленькой двери в задней стене. Для большинства посетителей эта дверь вообще не существовала. Для Пауля Мюллера, сержанта роты Лесли – открывалась с пинка. За дверью была узкая лестница, ведущая прямо на третий этаж, в личную комнату мадам Розы. Добрую половину которой занимала огромная, с балдахинном, кровать. В свои «хочешь-жить-так-не-спрашивай-сколько» лет мадам могла кого угодно naucить, для чего эта кровать предназначена.

Чуть не доходя до нужного дома, сержант свернул в переулок, оглянулся и, пробормотав под нос что-то похабное, несильно стукнул в искомую дверь. Тяжёлые доски отозвались на ласку гулом и скрежетом. И тишина.

– Странно, – пробурчал под нос сержант, ударя сильнее. Дверь выгнулась, жалобнобрякнув в пазах всеми досками.

– Мама Роза, ты что вообще стыд потеряла? Своих не узнаешь? – прорычал сержант, настороженно пробегая взглядом по чёрным, закрытым наглухо окнам. Обычно после такого удара раскрывались окна, подымался гам. На шум высывалась сама мадам и громко интересовалась, а где его, Пауля Мюллера носило. Виртуозная перебранка обычно растягивалась на пол-часа минимум. Но сейчас дом молчал. Молчал двор-колодец, глухие стены и темные балки вокруг. Лишь хлопала крыльями в вышине напуганная шумом птица.

– Что за хрень, – прошептал угрюмо сержант, – переехала она что-ли? Но ведь дурь же. Место – лучше не придумаешь...

Дом молчал. Ставни на окнах не дрогнули. Сержант сплюнул и обошёл дом кругом – но и главный вход был закрыт. Резная дубовая дверь забита наглухо. Кривыми, корявыми досками, крест-накрест.

– Что за черт? – прошептал ещё раз сержант и вдруг увидел: вывеска – щит с затейливой розой сбита и валялась в углу. След грязного сапога на алых лепестках. Сержант почему-то вспомнил, как помогал эту вывеску вешать пару лет назал. Борода сержанта заходила ходуном, ладонь левой руки медленно потёрла костяшки правой. Сержант огляделся, в два шага пересёк улицу и с размаха ударил сжатым кулаком в ставни напротив. Окно распахнулась, и кто-то невидимый прокричал: чего надо? Сержант парой слов объяснил – чего. Из дома проорали что-то в ответ и ставня захлопнулась вновь перед самым сержантским носом. Холодный ветер сдул с крыши за шиворот белый, сверкающий снег. Ветеран невольно поёжился. На мгновение ему стало нехорошо. Совсем. Уж больно дрожал голос из-за ставень. Говоривший боялся. До дрожи в голосе.

– Разберёмся, – сказал старый вояка под нос, машинально стирая ладонью кровь со сбитых на кулаке костяшек. С синевы небес сверкнул ему в глаза золотой крест на церковном шпиле.

** **

– Тут что-то не так, – упрямая мысль никак не желала улетать с винными парами из головы рядового Ханса Майера, – тут что-то не так.

Чуйка на неприятности у рядового была будь здоров – иначе не прошагал бы он столько под барабаны. И нехорошую привычку думать сержант так и не смог выбить из его большелобой, упрямой башки. И теперь и мысль и чувства орали рядовому Майеру – хором, во весь голос:

– Тут что-то не так. Но что?

Рядовой огляделся – нет, внешне всё правильно, так, как должно быть. Они с парой приятелей – рыжим ирландцем Донахью и Санчесом – испанцем из пикинёров, сидели, как солдатам и полагается, в подвальном кабаке, разогнав случайных посетителей. Успели влить в себя и первую – за то, что живые, и вторую – чтоб так было и впредь, и третью – за сержанта, чтобы его медведь заел. И песню свою извечную проорать, на три хриплых от мороза и маршей голоса. Первый куплет честно предупреждал трактирщика о намерении пехоты выпить все, что горит и съесть все, что зуб одолеет, второй – не менее честно описывал, как ярко будет гореть кабак в случае недолива, третий – откровенно и в подробностях рассказывал спующим туда-сюда с кружками подавальщицам о намерениях бравой имперской пехоты. Припев – *alles for kaiser Ferdinand whol*, исполнялся с таким видом, будто приказ о производстве всех этих безобразий был выдан кайзером Фердинандом рядовому Майеру лично. В его собственные, отбитые курком и шомполом солдатские руки. Все, как всегда – полутёмный подвал, медвежья шкура на стене, пылающий огонь, сжавшийся за своей стойкой хитроглазый трактирщик, стайка девчонок с подносами. Разве что кабак был четвёртый по счету – три первых, почему-то, оказались закрыты. В остальном, все, как всегда.

– И не так, – а тревога не унималась, всё билась и билась в висках. Рядовой потянулся и украдкой поправил на поясе широкую шпагу. Оглядел товарищей – и увидел, что Санчес

держит руку поближе к поясу – к испанскому складному ножу, а рыжий Донахью – тоже украдкой подвинул тяжёлый табурет к себе под правую руку.

– Значит, не мне одному мерещится, – усмехнулся он, вглядываясь ещё раз в полутьму трактирного подвала. И внезапно понял – здесь всё слишком. Слишком угодливо трактирщик метал кружки на стол. Слишком быстро скользили по залу его глаза под кустистыми бровями – от компании за столом к дверям и окнам. Слишком проворно бегали на зов трактирные девчонки. Шнуровка на груди у тех распущена – и то слишком, даже на рядового Майера сальный взгляд.

– Потравить нас здесь хотят что-ли?

Рядовой встал, схватил со стола недопитую кружку, сунул с маху трактирщику под нос:

– Давай, выпей с нами. За кайзера! – примериваясь ударить сразу, как заметит сомнение или заминку. Но трактирщик спокойно влил содержимое в рот. Даже не поморщился от собственного пошла. Лишь на дверь глаза скосил. Нет, на «потравить» не похоже

– Теперь ты, – солдат подхватил вторую кружку со стола, сунул одной из подавальщиц, – за пехоту!

И с секунду смотрел, как дрожат на маленькой девичьей голове выбившиеся из-под платка черные кудряшки. Как ходит вверх-вниз калдык на горле. Как вздымается высокая грудь под небрежной шнуровкой. Как отчаянно косят на дверь широкие карие глаза. Остальные подавальщицы сгруппировались стайкой в углу, шептали что-то, поглядывая то на солдат, то – искоса, на дверь и окна.

Внезапно рядовой Майер понял, что здесь не так. Здесь боялись. И, что удивительно, совсем не его и не их компании. Боялись чего-то, что могло придти с улицы. Из-за тяжёлой дубовой двери.

– Пойду-ка я прогуляюсь, парни, – сказал рядовой и шагнул к выходу, прихватив по пути брошенную перевязь с широкой солдатской шпагой.

С полутьмы улица ударила рядового по глазам ослепительным солнечным светом. Майер моргнул, привыкая. Улица была пуста. За спиной хлопнула дверь – за Майером увязалась подавальщица. Та самая кареглазая девчонка.

– Чего тебе, – бросил было солдат, но та замерла вдруг. Расширенные до предела карие глаза уставились куда-то вдаль, мимо плеча. Солдат развернулся – и похолодел. Из-за угла вышла процессия – странная, чтобы не сказать больше.

Впереди шла бесформенная фигура, закутанная с ног до головы в волочащийся по земле темный балахон. Мужик или женщина, человек или нет – не поймёшь, лишь складки чёрной бесформенной ткани. Случайные прохожие сворачивали в переулки – лишь бы уйти подальше. Кто не успевал – вжимался в стены, давая дорогу. Фигура шла вперёд, шатаясь, медленно, приволакивающей походкой. На миг она повернулась к солдату лицом. Взвизгнула, прячась Майеру за спину, трактирная девчонка. У рядового отвисла челюсть. У фигуры не было лица – лишь ткань спадала складками там, где должно быть глазам у человека.

За нею шли, так же медленно, поглядывая по сторонам, десяток человек в форме городской стражи. Майер заметил натянутые веревки. «Словно собака на привязи» – пробежала непрошенная мысль. Солдат смигнул и перевёл взгляд в конец странной процессии. И челюсть у него отпала опять. Замыкал ряд всадник на белом коне. Высокий, с непокрытой, несмотря на мороз, головой. Тёплая куртка с меховым воротником, перчатки с отворотами. На поясе, плечах и рукавах куртки – там, где у рядового был нашит ряд простых пуговиц – сверкал тусклый блеск, пробегали блики. До Майера донесся хорошо знакомый звон – серебро. Настоящее серебро, нашитое вместо пуговиц и амулетов. Еще был крест у седла – нет, на солнце блеснула сталь, и Майер увидел меч – старинный клинок с яблоком и широкой прямой крестовиной. «Таких сто лет как не делают». Они поравнялись. Всадник чуть повернул голову – солдат мельком успел подивиться холодным глазам и вытянутому аристократическому лицу со стриженными по-простонародному коротко волосами. Их взгляды встретились. Солдат нервно сглотнул – бесцветные глаза измерили его с ног до головы. Измерили, взвесили и нашли лёгким. Рядовой Майер был не сопляк и не новобранец. Он стоял в линии, отбивая атаку французских рейтар. Тогда пика в его руках не дрожала. Тогда. Но сейчас, под взглядом холодных, оценивающих глаз, он забыл, что солдат, что на поясе шпага и друзья-приятели за спиной. Зубы отбили частую дробь, спина покрылась холодным потом. Всадник чуть усмехнулся – чуть-чуть, уголки губ едва дрогнули, и послал коня вперёд. Процессия скрылась за углом. Улица опустела.

– Что это было? – прохрипел Майер в пустоту, дивясь звукам собственного голоса. Кудрявая подавальщица вдруг прижалась к нему, обняла, зашептала на ухо... такое, что тяжёлой челюсти Майера пришлось отвалиться ещё раз. Золотые кресты сверкнули им сверху вниз с церковного шпиля.

3—4 Встреча

А процессия шла и шла по улицам застывшего города. Горожане замирали и прятались, стража косила по сторонам. Всадник не глядел вокруг, закутанная в балахон фигура двигалась мерно, подволакивая ноги. Стражники толпились вокруг без порядка – похоже, они тоже побаивались встречаться со всадником глазами. Так они и тащились, гуськом, пока не вышли на площадь – каменный, сжатый со всех сторон стенами и арками галерей мощёный квадрат с замёрзшим фонтаном, статуей рыцаря с мечом в руках, лотками да палатками торговцев. Всадник, не повернув головы, бросил пару слов в пространство. Стражники вздрогнули, самый шустрый толкнул древком копья фигуру в балахоне. Та пошатнулась. Подняла руку. По толпе словно пробежала рябь. Указующий палец провёл в воздухе полукруг – и застыл, указывая на высокую светловолосую женщину в солдатском плаще, увлечённо перебирающую товар на лотке зеленщика. Стражники кинулись вперёд.

Магда, солдатская жена ничего не поняла поначалу. Вот только удалось разговорить лоточника, как вдруг этот хмырь побелел и упал под стол, прервав увлечённую женщину на самом интересном. Потом чьи-то руки схватили её за рукав. Первый стражник, впрочем, легко отделался – солдатская жена отмахнулась мешком не глядя, попала в лоб, сбив незадачливого на землю. Второму повезло меньше – схватить Магду за плечи он успел. И даже мешок вырвал. На свою беду. От угла, с галереи ударил выстрел. Взвился облаком чёрный пороховой дым. Стражник взвыл. Горожане кинулись, кто куда – лишь бы от стрельбы подальше. Охрана застыла, оторопело уставившись на то, как корчится и баюкает простреленную руку их товарищ.

– Это моя жена, – предупредил их высокий, горбоносый солдат, шагнув навстречу из облака дыма, – кыш, отсюда.

Разряженный ствол в его руке ещё курился – тонкой струйкой вверх, в синее небо.

– Ты что, солдат? Сейчас же мир, – стуча зубами проговорил один. Солдат молча шагнул вперёд, одним движением сорвал заряд с перевязи. Стражники намёк поняли, кинулись врассыпную. Стрелок лишь усмехнулся им вслед и шагнул к жене. И замер, развернувшись на голос всадника на белом коне:

– Отойди, – сказал тот коротко. Спрыгнул на землю – легко, одним движением, лишь мелодично зазвенели нашитые на куртку монеты.

– Твоя жена – ведьма и я её забираю, – проговорил он мерно под звон монет.

– С какой стати? – усмехнулся стрелок и опуская мушкет к ноге. Положение «заряжай». Обвешанный серебром шагнул вперёд, замер на мгновение. Мужчины смерили друг друга глазами – синие против серых. Опытная Магда сделала шаг назад, очистив мужу линию огня и тоже замерла, переводя взгляд с одного из бойцов на другого. Десять шагов мостовой отделяли их друг от друга.

– Я, Конрад Флашвольф, лицензиат права и дознаватель, – размеренно проговорил «серебряный», делая шаг вперёд. Серебро на поясе и рукавах мерно звякнуло. Качнулся меч на плече. Солнечный зайчик пробежал по яблоку на рукояти.

Ганс скусил патрон крепкими зубами.

– Призван в этот город, – ещё один шаг, мерный звяк серебра. Девять шагов.

С сухим шелестом ссыпался из заряда в ствол чёрный зернистый порох.

– и уполномочен властями его, как светскими, так и духовными, – теперь восемь.

Свинцовый шар пули скользнул в ствол вслед за зарядом.

– Очистить город от колдовства и скверны, – семь шагов.

Удар шомпола обрушился на пулю, плюща и вминая в стенки мягкий свинец.

– Имею право на розыск, арест и дознание ведьм, колдунов и пособников, – теперь шесть шагов. Ствол взлетел вверх, прижался к плечу мушкетёра.

С лёгким звяком откинулась медная полка в пазах. Дознаватель, так же мерно сделал ещё шаг. Опять серебристый звон. Осталось пять. Глухо лязгнул орлёный курок, взводясь в боевое.

Приклад прижался к щеке, в лицо дознавателю уставился холодный глаз мушкетного дула. «Серебряному» осталось четыре шага до стрелка.

– Рискни, – прошептал стрелок одними губами.

– Ты проклят, солдат, – также размеренно проговорил дознаватель. Смерил глазом расстояние – четыре шага. Можно рискнуть. Его рука потянула клинок. Медленно, по долям дюйма.

– Мне говорили, – палец Ганса начал выбирать слабинку на курке. Тоже медленно. Удар сердца. Ещё один. Потом лицо дознавателя чуть дёрнулось – не улыбкой, а её тенью. Рука в перчатке замерла. Еле заметно кивнул, как бы отдавая дань уважения равному противнику, повернулся на каблуках и пошёл прочь, проговорив на прощание:

– Твой выбор, солдат. Приходи, когда ад возьмёт тебя за горло.

Стрелок Ганс, опустив к ноге ствол, задумчиво проводил его взглядом. Потом внезапно присвистнул:

– Эй, палач?

– Чего тебе? – отозвался дознаватель не оборачиваясь и не сбавляя шага.

– Хорошая у тебя железка.

– Волшебный меч. Убивает чудовищ, – бросил он, вскочил на коня и ускакал. Лишь монеты прозвенели ещё раз, на прощание.

Стоявшие всю схватку тише воды стражники заторопились за ним. Самый шустрый из них, высокий с изрытым, оспенным лицом дёрнул было за собой фигуру в балахоне. Магда решила, что пора бы и ей вмешаться и придержала балахон за рукав, а её муж качнул стволом в сторону стражника – торопыги. Тот намёк понял правильно, бросил верёвку и побежал, оставив Магде её добычу.

Солдатская жена размахнулась и – от души, напряжение последних минут требовало выхода – залепила закутанной в балахон фигуре хорошую пощёчину. Затрещала ветхая ткань, та упала, тряпки слетели. На свет показалась лицо – бледное, измученное, но вполне человеческое лицо, залитое слезами.

– Ты на кого тут пальцами тычешь? – заорала Магда, выплёскивая с криком остатки ярости, – совсем мозгов нет, какая я тебе ведьма?

– Простите, – сквозь слезы, прошептала та, – простите госпожа. Просто... Просто. На площади вы были единственной мне незнакомой...

Магда попробовала помочь ей встать. Но нога подвернулась, отбитая у стражи женщина упала опять. Затрещала, лопнув по шву ветхая ткань, обнажив то, что под ней. Магда ходила за армиями всю свою жизнь. Она видела, как горел Магдебург. Она видела Брезях, осаду, голод и караулы у виселиц. Но и она сейчас побледнела.

«Охота на ведьм. Опять. Мерзость, прости Господи», – прошептал ее муж, шагнул вперёд, скинул с плеч тёплый плащ и бережно укутал потерявшую сознание женщину. Потом снял шляпу, поднял глаза и перекрестился на парящие в вышине кресты на шпиле.

– Царица небесная, – прошептал он, – забери от нас свой мир и пошли нам обратно войну.

Стрелок опустил глаза, посмотрел не закутанный тенью зев переулка – туда, куда минуту назад уехал всадник на белом коне, секунду помолчал и добавил :

– Ненадолго. Мне пары дней хватит.

3—5 обещания

– И что говорит? – спросил Рейнеке-юнкер итальянца.

Далеко от той площади, за воротами, на пяточке между унылой краснокирпичной казарменной стеной и чёрными зарослями. Кресты с колокольни сверкнули золотом в глаза и ему – те же самые, что и Гансу на площади.

– Все то же самое. То же самое, что и остальные, – итальянец не проговорил – прошипел в ответ. Сейчас его речь, весёлая и певучая обычно, гремела и лязгала – так гремит кольцами рассерженная змея. В руках сверкнул узкий клинок, вылетел из правого рукава, сверкнул серебряной рыбкой и скрылся в левом. Маленький итальянец только что проводил очередную беглянку из города в казармы и вернулся. Очередную. Сколько их успело придти – они с юнкером уже со счета сбились.

– То же самое, что и остальные, – в сердцах повторил итальянец. Тонкий венецианский стилет опять скользнул, перекувырнувшись в его руках – теперь из левого рукава в правый. Юнкер поёжился.

– Подругу забрали, соседку сожгли, соседи косятся да бумаги пишут... Солдатики, миленькие, заберите нас отсюда. Кем угодно, куда угодно, лишь бы от мясорубки подальше, – итальянца передёрнуло, как от зубной боли, – Клянусь мадонной, довести прекраснейшее из созданий до такого... – Остаток фразы итальянец выдал на цветистом родном наречии – юнкер разобрал только «кровь Вакха» да имена святых. Всех, что в святцах числились.

Наконец итальянец смолк, перевёл дух и глянул на шпиль вдали. Серебряная сталь опять провернулась и скрылась в его пальцах.

– Юноша, на вас можно оставить роту? – спросил он вдруг, оскалив в улыбке белые зубы, – клянусь святой Марией, Царицей Небесной, другой Марией, которая Магдалена, да заодно и Лючией, покровительницей Падуи и моего факультета – я ненадолго. Вот подпалю тут всё с четырёх концов и вернусь. Кровь Вакха, это место оскорбляет все мои чувства...

– Не думаю, что это хорошая идея. – проговорил юнкер медленно, окидывая настороженным взглядом город вдали. Серые стены, шпиль с крестами, кружащиеся птицы, кроваво-красные крыши, злые отблески на промороженных инеем стеклах.

– Не думаю. Там капитан.

Итальянец оглядел город вдали, вздохнул и коротко бросил:

– Согласен. Но жалко, клянусь мадонной.

– Не лучше ли поднять под ружье дежурное капральство? Может быть погоня, а мы... – тут парень на секунду запнулся. Итальянец улыбнулся и продолжил за юнкера фразу:

– А мы, как говорит наш сержант сидим со спущенными штанами. Моих профессоров хватил бы святой Кондратий от такого, конечно. Но до Падуи далеко и здесь не лекция по риторике. Главное – доходчиво.

Итальянец усмехнулся. В кустах глухо затрещали ветки.

– О, черт. Накликали, – выругался итальянец, разворачиваясь и хватая клинок. Юнкер весь подобрался, вдохнул – ноздри широко раздулись, жадно втягивая холодный воздух. И медленно выдохнул:

– Это наши. Майер с компанией

– Откуда... – начал было Лоренцо, удивлённо посмотрев на него, но тут кусты с треском разошлись, явив офицерскому глазу одного Майера, его приятелей, и ещё нескольких, старательно кутавшихся в солдатские плащи – как будто грубая ткань могла сделать девичьи фигуры и карие глаза невидимками. Нарвавшись на начальство, рядовой шагнул вперёд, развёл руки, будто собирался что-то объяснить, а точнее навешать лапши на офицерские уши. И нарвался на взмах рукой – все знаю, мол, проходи, я тебя не видел – эту длинную фразу итальянец умудрился запихнуть в один весьма выразительный жест. Рядовой Майер умудрился понять всё правильно и исчезнуть. Итальянец проводил его взглядом, грустно улыбнулся и проговорил:

– Битые, но с добычей. Узнаю имперскую армию. Вот он у меня сейчас и встанет на караул, а Вы, – повернулся он к юнкеру, задумался на мгновение и выпалил: – а Вы нашу Анну предупредите, что к чему. А то неровен час уйдёт одна в город...

Юнкер сорвался с места, оборвав фразу на середине. И побежал. Правда, потом вспомнил, что бегущий офицер вызывает у рядовых не только смех, но и панику и перешёл на шаг. Очень быстрый. А потом опять на бег, благо в казарме на лестнице никого не оказалось. Вот и знакомая дверь. Рейнеке занёс было кулак – забарабанить в неё, что есть силы, но вспомнил манеры, постучал вежливо и аккуратно. Как мог. Незачем пугать Анну ещё больше. Стукнула, откидываясь, щеколда, заскрипела дверь. «Успел» – прозвенело сердце в груди.

Впрочем, парень мог бы и не спешить – судя по растерянному лицу Анна уже все знала. Кроме того, что с этим всем делать и куда прятаться. Хотелось сказать... но слова, как на грех разбежались. Юнкер замялся, посмотрел вниз – на сапоги, будто надеялся найти там правильные обороты. Помянул незлым тихим словом итальянца, наказал сам себе стащить при okazji учебник риторики и кое-как вымолвил Анне, чтобы не беспокоилась – армия его величества своих в обиду не даст, всех кто – загрызёт на месте (почему загрызёт? – мельком подумала Анна) и вообще – надо всего лишь просидеть в расположении пару дней, а там господин капитан что-нибудь придумает. «Обязательно придумает, он умный», – повторил юнкер, глядя как вспыхивают карими звёздами девичьи глаза и расцветает на милом лице невольная улыбка. Но тут во дворе заорали опять и юнкеру пришлось вежливо распрощаться.

– Придумайте что-нибудь, господин капитан, – прошептал про себя юнкер, когда дверь захлопнулась.

Из окна в коридоре был виден казарменный плац и шпили вдали. Кое-где уже дымилась фитили и раздавались сухие, отрывистые команды. Голосом Ганса, что радовало. Хмурый стрелок, неофициальный исполняющий обязанности лейтенанта дело знал. Теперь рота сможет хотя бы огрызнуться, если что. Но лучше, чтобы не пришлось. Простые идеи итальянца юнкеру не нравились, от слова «совсем», но и других в юную голову не приходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.